

✓

ЧИТАЛЬНЯ
СОВЕТСКОЙ
ШКОЛЫ
II СТУПЕНЬ

РАБОТНИК
ПРОСВЕЩЕНИЯ
1929

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВ

ТРУБКА
дом Альонсо

ЧИТАЛЬНЯ
СОВЕТСКОЙ
ШКОЛЫ
II СТУПЕНЬ
1929 г. № 3

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВ

R 81
R 739
ТРУБКА ДОН АЛОНСО

Обложка и рисунки
М. ШЕРВИНСКОЙ

«РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ»

Б-57.

Глава I.

О ТОМ, КАК ЛЯГУШКА ИЗМЕНИЛА СУДЬБУ ОДНОГО
ИСПАНЦА.

Сеньор Алонсо Уэльво-Романо де Эскурилья и Алькантара был большим чудаком.

Вместо того, чтобы сидеть вечером дома и спокойно слушать умнейшие рассуждения своего двоюродного брата дон Родриго, образованнейшего человека Лиссабона, изучившего метафизику и богословие в Саламанке¹⁾ и написавшего многотомное сочинение, возражавшее против взглядов Петра Помпония²⁾ на учение Аристотеля³⁾, вместо того, чтобы угожаться прекрасным ужином, изготовленным искуснейшей рукой его жены — доньи Беатрисы, — запивая сангрийским вином, вместо всего этого дон Алонсо проводил свои вечера в отвратительном маленьком кабачке под вывеской «Золотой рыбы», спрятавшемся в подвале одного из глухих переулков порта, в компании моряков, солдат, бродяг—морисков⁴⁾, пьяниц и всяких подозрительных людей, наполняющих обыкновенно такого рода заведения.

1) Саламанка—город, известный своим университетом.

2) Петр Помпоний—известный итальянский ученый начала XVI века.

3) Аристотель—знаменитый древне-греческий философ и ученый. Его учением увлекались многие философы средних веков.

4) Мориски—крещеные испанские мусульмане, или мавры, подвергавшиеся гонениям со стороны испанских властей, результатом чего явилось восстание морисков, продолжавшееся 3 года (1568—1571).

Напечатано в 21 тип.
«Мосполиграф»
Москва, Ц., Варварка,
Елецкий пер., 7
Главлит А—38.444
Тираж 10.000 1183

Там дон Алонсо пил дешевое кислое вино, закусывая пересохшим козьим сыром, и, раскуривая свою трубку, слушал рассказы о дальних плаваниях по океану, о битвах с морскими разбойниками и индейцами, о завоеваниях новых земель, богатствах Новой Испании¹⁾ и о таинственных, непрходимых лесах и горах, скрывающих собою неисчислимые сокровища.

Дон Алонсо любил все это, вероятно потому, что сам участвовал в походах Фернандо Кортеца²⁾, сам плавал по океану, сам воевал с индейцами и с войсками Монтезумы³⁾. Поэтому рассказы моряков и солдат были ближе его сердцу, чем философия Аристотеля.

Вот и тогда, в тот знаменательный для дон Алонсо вечер, он сидел в «Золотой рыбе» и, покуривая свою трубку, слушал рассказ какого-то оборванца о схватке с разбойниччьим кораблем у берегов Африки.

Тут нужно сказать несколько слов о трубке дон Алонсо.

В то время в Испании курение табака было в диковинку. Испанские завоеватели переняли эту привычку у индейцев, но курили еще очень немногие, и поэтому всякий курящий невольно привлекал внимание.

Кроме того, трубка дон Алонсо была замечательна тем, что, сделанная из обожженной глины, она имела форму лягушки и когда накалялась, то покрывалась замысловатыми узорами. Эта трубка была привезена дон Алонсо из Мексики.

Постоянные посетители «Золотой рыбы» привыкли к трубке дон Алонсо так же, как и к его широкополой шляпе с большим страусовым пером, к шпаге с золотой рукояткой в виде дракона, висевшей на широкой шелковой перевязи, к черному бархатному камзолу и высоким сапогам с широкими раструбами выше колен и к его рослой фигуре,

¹⁾ Новой Испанией назывались завоеванные испанцами земли в Америке.

²⁾ Фернандо Кортец—завоеватель Мексики (1519).

³⁾ Монтезума—вождь племени ацтеков, побежденный войсками Кортеца.

благородному лицу, украшенному небольшой острой бородкой и длинными усами, и всегда приветливо и весело смотревшими темными глазами. Никто не удивлялся более ни тому, что знатный идальго¹⁾ проводил время среди простолюдинов, ни тому, что он держал во рту дымящую лягушку.

В тот же вечер, о котором идет речь, среди бывших в кабачке нашелся один человек, чрезвычайно заинтересовавшийся трубкой дон Алонсо. Повидимому, он никогда еще не видел трубок.

С виду это был иностранец—итальянец или француз. Молодой и красивый, с густыми, вьющимися волосами, небольшой бородкой и усами. Он был одет скромно, но дорогой бархат камзола и золотой перстень на руке, и шпага, конец которой виднелся из-под плаща, выдавали знатность его происхождения. Он внимательно рассматривал дон Алонсо сперва издали, затем подсел ближе и, наконец, заговорил с ним.

— Простите мою дерзость, сеньор, и мое любопытство. Но я недавно приехал из Франции, и там еще никто не знает этих листьев, которые вы зажигаете и дым от которых вы втягиваете вот через этот предмет. Вот почему мне любопытно ближе рассмотреть, что именно вы подносите ко рту, и узнать, если ваша милость позволит, где и как приобрели вы этот предмет и почему он изображает лягушку и что это за таинственные узоры, вспыхивающие, как светляки?

Дон Алонсо добродушно рассмеялся.

— Я сразу увидел, что вы иностранец, а теперь, когда вы заговорили, то я убедился в этом окончательно. Посмотрите, никто и внимания не обращает на мою трубку. Это старая история, давным давно известная каждому в Лиссабоне. Но если, мой друг, вас так интересует моя трубка, то извольте, я с удовольствием повторю в тысячный раз мой рассказ. Но садитесь к моему столу и давайте разо-

¹⁾ Идальго—дворянин.

пьем бутылочку. Право же, в Эстремадуре не такие плохие виноградники!

При этих словах дон Алонсо хлопнул в ладоши и крикнул слуге: «Бутылку сюда, живее!»

— Еще раз, пока не поздно, предупреждаю вас, друг мой, что песни бродячих цирюльников и повести о странствующих рыцарях и Сиде¹⁾ куда интереснее моего рассказа. Подумайте, и может быть, вы откажетесь от вашего желанья прежде, чем я надоем вам своей болтовней?

— Уверяю вас, сеньор, что я с неудержимым интересом буду слушать вас, и еще раз убедительно прошу не отказать в моей просьбе.

— В таком случае запаситесь терпением. Моя история длинная, хотя я и постараюсь как только можно сократить свой рассказ.

Дон Алонсо налил вина своему собеседнику и себе, выпил стакан залпом и, потянув из трубы так, что лягушка раскалилась докрасна, начал свой рассказ.

— Когда я воевал под знаменами короля и начальством доблестного сеньора Кортеса, когда мы первыми ступили на землю Новой Испании, гоня перед собой несметное полчище Монтезумы, и углублялись в глубь страны, тогда мы впервые увидели это необыкновенное растение, высотою с камыш и листьями большими, чем у орешника.

Затем при остановках в селениях мы заметили, что местные жители, обрывая его листья, связывают их в пучки и сушат на огне; затем сворачивают их и покрывают листом маиса. После этого они зажигают один конец пучка и втягивают дым из другого, пока у них не закружится голова. Ацтеки, так зовется это племя, лечат этим дымом своих больных. Они наполняют им свою хижину и держат его там, пока больной не потеряет память. Очнувшись, он говорит, что был в царстве богов и видел великие чудеса и что теперь чувствует себя совершенно здоровым.

¹⁾ Сид Кампепадор — герой испанских народных преданий, совершивший блестящие военные подвиги.

Дикие изготавлиают вот такие трубки, натирают их пропаренным углем и украшают их рисунками: то птицами, то рыбами, то цветами. Невидимый рисунок появляется, когда огонь согревает глину. Иногда они покрывают трубки золотом и зажигают не эти листья, а лепестки роз, камедь и амбру¹⁾.

Помню, когда мы пировали во дворце Монтезумы, дикие курили после трапезы. Сам Монтезума делал то же. Как только убирали со стола, рабыни—девушки неземной красоты—наливали в серебряные сосуды воду, которой надо было полоскать рот и руки. Затем они подавали позолоченные трубки, набитые ликвидамбаром²⁾ и одурманивающими травами. Монтезума пускал дым то ртом, то носом и, смеясь рассказам своего шута, любовался танцами рабынь.

Видел я там трубки с раздвоенным концом, которые дикие вкладывали себе в ноздри и втягивали дым от тлеющих на угольях костра листьев.

Все эти трубки дикие называют «табаго». Оттого и мы стали называть листья этим именем.

Но самое интересное, друг мой, это то, что дикие считают их даром великого Монито—бога солнца, а само растение—священным. Да, да, да... не смейтесь. Это действительно так.

И вот какое сказание слышал я от одной краснокожей старухи.

Дон Алонсо отхлебнул вина и, пустив кольцо дыма, продолжал:

— Великий дух—бог солнца—Монито призвал всех воинов земли к красным горам. И стал великий дух на самую высокую вершину горного хребта, обломил кусок красной скалы и сотворил из него «табаго»—трубку и закурил ее. Пустив дым на все четыре стороны, окурил великий дух всех воинов земли и сказал им: «Камень сей красен, как ваше

1) Камедь и амбра—ароматические смолы.

2) Ликвидамбар—смолистое дерево, корой которого индейцы набивали трубки.

тело. Он—ваше тело и принадлежит всем вам. Изготавляйте из него трубки мира и курите их, если хотите творить мою волю и умилостивить меня».

И вот с тех пор краснокожие изготавлиают трубки мира из красного камня. Называют они их «ганондасе» и делают их похожими на молоток. При переговорах о мире трубку красят в белый цвет. Собираются в хижине в полдень, так как солнце есть дружба. Посреди хижины пылает большой костер. Вокруг него на цыновках и шкурах буйволов и медведей усаживаются послы другого племени. Вождь торжественно выходит насередину, неся трубку мира. Он приказывает одному из воинов набить ее лучшими листьями. Воин набивает, потом поднимает трубку к солнцу, наклоняет к земле—это он умилостивляет духов, затем передает вождю. Этот пускает дым к солнцу и на четыре стороны, передает трубку посланцам, которые курят из нее. После этой церемонии начинаются переговоры. Трубка мира—священна, и надругавшийся над ней должен быть казнен.

Если же вождь хочет об'явить войну, он посыпает красную трубку, и желающие стать на его сторону выкуривают ее.

Воины собираются в назначенный день. Тогда вождь кладет трубку на красный столб, окруженный луками, стрелами, копьями и топорами, а сам обращается к воинам с речью и возбуждает их храбрость. Затем он берет трубку, поднимает к солнцу, опускает к земле и протягивает к воинам. И каждый курит. После же все пляшут танец войны. А в походе несут трубку с собой.

Дикие уверены в божественном происхождении своих трубок. Никакие проповеди наших монахов, сопровождавших королевское войско, не могли разубедить их в этом.

Несчастный Романо Парас, состоявший при святом отце Бернадине де-Сангун¹⁾ и вместе с ним сопровождавший нас

1) Бернадин де-Сангун—французский монах, сопровождавший Кортеца при завоевании Мексики.

в Мексику, погиб, увещевая диких обратиться к католической вере.

В одном из селений ацтеков он собрал диких и начал проповедывать, об'ясняя всю нелепость их верований и ничтожество истуканов и трубок, которые они почитали за божество. В доказательство своих слов он повалил на землю и растоптал ногами деревянное изображение бога солнца.

В ту же ночь несчастный монах был убит дикими. Но мы тоже не остались в долгу и изрядно отомстили краснокожим собакам! На следующее утро мы до тла сожгли пять селений. После изрядных пыток дикие выдали убийцу, голова которого тотчас взвилась на высоком шесте над грудами пепла сгоревших хижин.

Это послужило уроком. В других селениях краснокожие стали гораздо говорчивее. Они безропотно принимали святое крещение и молчали, когда наши солдаты складывали костры из их священных истуканов.

Иначе поступать нельзя было: эти дикие, в конце концов, наполовину просто животные, которых ядра и аркебузы¹) королевского войска скорее привели в человеческий вид, нежели мало понятные им проповеди монахов.

Когда вслед за нашими храбрыми войсками приехали в Мексику испанские купцы, они нашли уже некоторые племена диких, охотно входивших в сношения с ними.

Не мало вывезли и вывозят до сих пор из Новой Испании драгоценных камней, металлов и прочего.

Эти краснокожие дураки не знают цену своим богатствам и меняют их на всякую никому ненужную дрянь.

Вы сами знаете, сеньор, как легко приманить дикого человека на всякую безделушку.

Дон Алонсо протянул вперед руку с трубкой.

— Вы удивляетесь моей лягушке? А если бы вы видели, какие трубки из чистого золота и серебра, с какими укра-

¹⁾ Аркебуза — первое ручное огнестрельное оружие, род тяжелого кремневого ружья.

шениями из драгоценных камней наполняют мешки испанских купцов, возвращающихся на родину.

О самих листьях и говорить нечего. Ими набиты карavelлы.

Клянусь святой Варварой, сеньор, мудрое управление и убедительность монашеских проповедей, а главное — наших

пушек сделают дикарь очень скоро добрыми католиками и верными подданными короля!

И листья табаго, превратясь в золото, будут туто набивать наши кошельки.

— А испанцы,—закончил свой рассказ дон Алонсо, смеясь,— увозят «табаго» на свою далекую родину за океан и, дымя трубкой, с благодарностью вспоминают доверчивых краснокожих дикарей, так дешево продающих своих богов!

Иностранец, видимо, очень заинтересовался рассказом. Он внимательно слушал и, когда дон Алонсо окончил, еще долго молча рассматривал затейливую лягушку.

— Позвольте поблагодарить вас, сеньор, ваш рассказ чрезвычайно интересен. Это очень заинтересует одного моего друга, любителя цветов, получившего семена табака и разведшего его у себя в саду. Я уверен, что он не знает всех этих подробностей.

С этими словами иностранец встал и, отвесив глубокий поклон дон Алонсо, удалился.

Глядя вслед удивившемуся, дон Алонсо подумал: «Хотел бы я побывать во Франции».

Страстный любитель путешествий, дон Алонсо перебывал почти во всех странах. В одной только Франции он не был никогда. Этому мешали постоянные войны с этим государством.

Вернувшись, по обыкновению, довольно поздно домой и, как всегда, проржав минут пять у дверей, пока стук дошел до слуха, а главное—до сознания старого слуги Педро, давным давно спавшего крепким сном, дон Алонсо и не предполагал, какие последствия повлечет за собой его встреча с французом и какое влияние на его судьбу окажет глиняная лягушка его трубки.

Следующий день начался как обычно и ничем, казалось, не отличался от всех предыдущих.

Встав рано утром, дон Алонсо отправился в порт посмотреть, не пришли ли каравеллы¹⁾ из новых земель. Дон Алонсо

¹⁾ Каравелла—4-мачтовый парусный морской корабль.

любил беседовать с моряками таких кораблей и слушать рассказы о новых завоеваниях доблестных испанцев, любил шум и гам портовой жизни: крики погонщиков мулов, брань торговок маслинами и апельсинами, песню рабочих—грузчиков, таскающих мешки с пшеницей и маисом, загорелые лица моряков, мальчишек, прыгающих из лодок в воду, запах морской воды, гниющей рыбы и насыщенных корабельных снастей.

Затем, наглядевшись и наслушавшись вдоволь, дон Алонсошел по набережной Тахо¹⁾ до старой башни Торре де-Бэлем, стоявшей высоко над домами города. Там он садился на скамью под сенью столетнего дуба и отдыхал, любуясь видом.

Плавно несла река свои воды в море, разноцветными парусами и флагами пестрел порт, амфитеатром располагались по склону горы серые и красные, плоские и острые кровли домов, церквей и дворцов, зеленели апельсиновые рощи и уходили вдаль в синеватой дымке дубовые леса, покрывавшие далекие горы, и гордо вздымала к небу свои суровые скалистые вершины Серра де-Цинтра. Над портом и городом дрожал знойный воздух, ветерок с моря доносил запах воды, смешавшийся с ароматом эвкалипта.

После своей ежедневной прогулки дон Алонсо возвращался домой, где доныя Беатриса приветливо встречала его и подносила чашку ею самой приготовленного шоколада. На этот раз доныя Беатриса вышла навстречу к мужу с встревоженным лицом и, протягивая запечатанный сургучной печатью конверт, рассказала, что недавно явился паж²⁾ посла французского короля и пожелал видеть дон Алонсо. Узнав же, что его нет дома, просил передать ему этот конверт с просьбой прислать ответ.

Дон Алонсо удивился. Что нужно от него послу французского короля? Раскрыв конверт, он вынул письмо и прочел вслух. Оно было написано по-испански.

¹⁾ Тахо—река, берущая начало в горах Серра де-Молина, протяжением более 1000 кил.

²⁾ Паж—мальчик, слуга из дворян.

«Благородный сеньор!

Вчера вечером мой родственник Альберт Жамэн имел счастье познакомиться с вами и услышал от вас интереснейшие и занимательнейшие истории о Новой Испании. Кроме того — о целебных свойствах листьев «табаго».

Вы очень обязали бы меня своим посещением, так как я живо интересуюсь этим вопросом и счастлив буду узнать вас лично.

Примите, сеньор, уверения в чувствах моего искреннего к вам уважения и неизменной преданности.

Вашей милости покорный слуга

Жан Нико,

Посол его величества короля Франции».

Затем был обозначен день, год и место написания письма. Дон Алонсо улыбнулся.

— Вот что наделала лягушка!

— Какая лягушка? — удивилась донья Беатриса.

— Лягушка на моей трубке. Этот молодой француз, увидав ее, заинтересовался моими рассказами о Новой Испании. Я буду очень рад познакомиться с сеньором Нико. Говорят, это образованнейший и обязательный человек. Скажите, Педро, чтобы он дал мне переодеться. Я хочу немедленно отправиться к сеньору Нико. Неловко заставлять ждать такую особу.

И дон Алонсо быстрыми шагами направился в свою половину.

А через полчаса он уже стучал висячим молотком в резную дубовую дверь посольского дворца.

Глава II.

О ЛЮБВИ ПОСЛА К ЦВЕТАМ И СВОЕЙ КОРОЛЕВЕ.

Жан Нико, посол короля французского Франциска Второго, был человек чрезвычайно образованный. Он проводил свои досуги в изучении родного языка и работал над со-

ставлением первого французского словаря, названного им: «Сокровище французского языка¹⁾». Кроме того, он работал над «Историей Меровингов²⁾ Эмуена³⁾, каковую издал.

Но не одной литературной работе посвящал Нико свои досуги. У него была еще страсть, владевшая им с детства. Это были цветы.

Поселившись в Лиссабоне, посол развел в парке своего дворца роскошные цветники, пестревшие редчайшими экземплярами всевозможных растений, начиная с европейских и кончая удивительными цветами Индии и Нового Света. Среди множества цветов красовался и розоватый пахучий цветок табака, семена которого Нико получил в подарок от одного знатного испанца, вернувшегося из Америки.

Табак отлично принял на чужой ему земле и давал прекрасные цветы.

Нико слышал о том, что дикие краснокожие сушат листья табака и курят их, что даже некоторые испанцы переняли у них эту привычку, а некоторые находят удовольствие в жевании этих листьев и в нюхании толченого табака.

Когда его родственник рассказал ему о разговоре с дон Алонсо и об его рассказах, Нико так заинтересовался этим, что решил во что бы то ни стало узнать, кто был знатный испанец, проводивший время в кабачке «Золотой рыбы», и пригласить его к себе для более подробного ознакомления с этим вопросом.

Установить личность дон Алонсо было совсем просто, а написать ему письмо еще проще.

И вот посол французского короля ждал с нетерпением сеньора де-Эскурилья и Алькантара, от которого надеялся услышать много интересного о редком растении.

Встреченный слугой, дон Алонсо вошел в обширный зал, украшенный всевозможными гербами и оружием. Через ми-

1) «Le trésor de la langue française tant ancienne que moderne» (1606).

2) Меровинги — первая династия франкских королей.

3) Эмуен — французский историк (950—1008) монах-бenedиктинец.

нуту появился паж, который с низким поклоном доложил, что его господин ожидает его милость у себя в кабинете, куда и просит пожаловать. Вслед за пажом дон Алонсо пошел через ряд великолепных зал, увешанных картинами известных мастеров и украшенных оружием и дорогими восточными тканями.

Проходя длинным коридором, паж с поклоном остановился у дубовой двери, к которой вели четыре ступеньки.

Кабинет посла был обширной комнатой с громадной стеклянной дверью, выходящей на широкий балкон. Посреди комнаты стоял большой стол, заваленный бумагами и книгами. Вокруг стола стояли дубовые кресла, обитые дорогим бархатом. С одной стороны комнаты был высокий красного мрамора камин. Другая стена была украшена картинами, среди которых был великолепный во весь рост портрет Генриха II, короля французского, секретарем которого состоял Нико до своего назначения в Португалию послом нового короля Франциска II.

Посол встал навстречу дон Алонсо.

— Я счастлив, сеньор, познакомиться с вами. Не зная вас лично, я много раз слышал о вас и о ваших подвигах при завоеваниях новых земель.

— Ваша милость неизмеримо любезны. Право, мое участие в походах сеньора Кортеса было долгом каждого ильяго, и я не вижу, чем я отличился больше моих товарищей.

Обмен любезностями продолжался несколько минут. Затем Нико предложил дон Алонсо пройти в сад, чтобы полюбоваться цветами.

— Я вам покажу, какие прекрасные цветы дало «табаго». А вы, сеньор, меня очень обяжете, если расскажете подробнее об этом растении.

В эту минуту в кабинет вошел знакомый дон Алонсо молодой француз. Он приветливо поздоровался, и все трое отправились через большую, увенчанную роскошными розами, террасу в сад, где множество замечательных растений, цветов и деревьев тешили взор своей сказочной пестротой.

Гуляя по усыпанным песком дорожкам и любуясь садом, дон Алонсо рассказал все, что знал о табаке и его свойствах. А главное—указал на всю ту выгоду, которую сулит распространение табака, как предмета торговли, могущего обогатить всякого, кто сумеет взяться за это дело, прибыльнее которого трудно сыскать.

— Эти дураки отдают даром свое золото, и мы будем не умней их, если не воспользуемся таким исключительным случаем!

Посол с вниманием слушал и затем заявил, что он непременно проверит сказанное на опытах, и просил дон Алонсо зайти еще раз к нему, чтобы он мог поделиться достигнутыми результатами.

— Вы осчастливите меня, сеньор, своим посещением. Все, что вы рассказали, настолько меня занимает, что, думаю, в ближайшие дни я буду иметь результаты своих опытов. Я буду с нетерпением ждать вашего прихода.

Раскланявшись, дон Алонсо заверил посла, что не преминет в ближайшие дни посетить его еще раз.

И, пожелав обоим французам полного благоденствия и здоровья, дон Алонсо покинул посольский дворец.

В тот же день Нико начал опыты, результаты которых оказались через два-три дня и совершенно ошеломили посла.

В это время случилось его повару сильно поранить себе руку ножом. Нико приложил листья табака, и рана зажила.

Слух об этом исцелении распространился по Лиссабону и окрестностям, и многие стали присыпать к посолу за чудодейственными листьями, которые скоро получили название «посольской травы».

Нико был в полном восторге.

Правда, распространение табачных листьев и курение их вызвало не мало возражений со стороны наиболее ученых и сведущих в этом деле лиц. Так, известный во всей Испании врач дон Франциско Эрмануэс де-Толедо¹⁾ написал

1) Франциско Эрмануэс де-Толедо—лейб-медик короля испанского Филиппа II, составивший первое описание свойств табака.

целую книгу, в которой говорил о вреде табака. «Злоупотребление табаком,—писал он,— вызывает воспаление печени и многие другие неизлечимые болезни»¹⁾.

Целый ряд других врачей присоединился к этому мнению.

Но рассказы солдат и моряков, возвращающихся из новых земель, корыстные расчеты купцов, видевших в табаке новый предмет наживы, и, вместе с этим, возбуждающее и одурманивающее действие табачного яда и привлекательная чудодейственность невиданного растения взяли верх над благоразумным голосом науки.

Новый порок нашел сторонников во всех сословиях Испании.

— Если верить этой болтовне,—смеялся дон Алонсо,— то один взгляд на трубку должен убить человека, а вот я, слава Мадонне, смотрю на свою лягушку с утра до вечера и чувствую себя не хуже, чем когда вступил впервые на землю Новой Испании. Уверяю вас, сеньор доктор, что богатство сделает испанцев выносливее и никакой дым не убьет их здоровье.

— Это еще ничего не доказывает, сеньор,—возражал его знакомый врач Мигуэль Сонардес, доктор медицины Севильского университета,—яд, заключающийся в листьях табаго, действует не сразу. Он постепенно отравляет ваше тело, постепенно вливается в вашу кровь, в мозг и сокращает вашу жизнь.

1) Этот своеобразный взгляд на действие табачного яда надо отнести к состоянию медицины в XVI веке. Современная медицина установила совершенно точно зловородное влияние табачного яда—так называемого «никотина»—на организм человека. «Никотин» действует разрушительно на кровеносные сосуды, что вызывает склероз—преждевременное перерождение сосудов—и вместе с этим ослабление сердечной деятельности, способствуя возникновению припадков грудной жабы—болезни неизлечимой. Кроме того, курение поражает дыхательные пути [и поддерживает хроническое катаральное их состояние. В известной степени злоупотребление табаком вызывает также ослабление зрения, неправильное выделение желудочных соков, поражение нервной системы и ускоряет таким образом общее ослабление организма человека.

— Однако я не верю вашим словам: я видел столетних краснокожих стариков, которые с детства курили трубки.

— Если бы они их не курили,—улыбнулся врач,—они дожили бы и до двухсот лет. Могу вас уверить, сеньор, что вы приносите жестокий вред своему здоровью, отравляя себя ядом табаго, и придет время, когда вы пожалеете об этом, но будет поздно. Повторяю: этот яд опаснее многих других именно тем, что он действует незаметно, постепенно разрушая тело человека. Опомнитесь, сеньор, пока не поздно.

— Ну, уж это слишком! Чем я расстался со своей трубкой?! Ни за что на свете! Да посмотрите, какие чудеса делает сеньор посол короля Франции. У его дома толпятся в ожидании целебных листьев.

— Я слышал об этом и даже видел больных, обращавшихся к сеньору Нико, и это нисколько не поколебало моих убеждений. Из двадцати человек излечивается один, и я считаю, что это излечение надо приписать природе самого больного и свойствам кожных покровов его тела, а вовсе не листьям табаго. Поверьте мне, сеньор, если бы эти листья обладали действительно целебными свойствами, я первый бы применил их как лекарство. Но этих свойств нет. Это доказывает наука, и меня удивляет, что столь образованный человек, как сеньор Нико, придает значение явной нелепице. Думаю, что в данном случае им руководит более чувство любителя растений, чем благородство.

— Вас не переспоришь,—отвечал дон Алонсо,—будь поваленому. А я все-таки буду курить свою трубку на зло всему ученному миру!

Он добродушно рассмеялся, похлопав по плечу Сонардеса.

После успеха первого опыта Нико тотчас послал за дон Алонсо и, когда тот пришел, начал с увлечением рассказывать ему о лечении раны, бесконечно благодарил за сообщение и рассыпался в комплиментах.

— Я право не знаю, сеньор, как отблагодарить вас. Этот человек только вам обязан своим спасением.

Дон Алонсо скромно отказывался от приписываемой ему чести.

Но посол настаивал на своем.

Дон Алонсо решил использовать расположение француза.

— Если, ваша милость, так желаете непременно отплатить мне за мои сообщения, я осмелюсь попросить вас об одном одолжении.

— Конечно,—обрадовался посол,—я буду только счастлив исполнить любую вашу просьбу, если это только в моих силах!

— Я думаю, просьба моя не затруднит вашу милость. Она состоит всего лишь в том, чтобы ваша милость снабдила меня письмами в Париж, куда я давно стремлюсь и непременно поехал бы, имея такие письма.

— Клянусь Мадонной!—воскликнул Нико.—Нет ничего легче и проще этого! Я буду счастлив оказать вам эту малую услугу и почитаю своим святым долгом исполнить вашу просьбу немедля. Я сейчас же сяду писать письма и сегодня вечером пришлю их вам.

На этот раз дон Алонсо вышел из посольского дворца чрезвычайно довольным.

Наконец, исполняется его давнишняя мечта. Он увидит Францию и главное—Париж, о котором так много слышал.

В этот вечер дон Алонсо даже не пошел в «Золотую рыбку», а сидел дома, слушая своего двоюродного брата, и спокойно запивал сантуринским длительнейшие цитаты из Петра Помпонация, ожидая посольских писем.

Нико аккуратно исполнил свое обещание: письма, в количестве трех, были получены дон Алонсо в тот же вечер.

Одно из писем было адресовано не более не менее, как самой вдовствующей королеве французской Екатерине Медичи¹⁾, матери короля.

¹⁾ Екатерина Медичи (1519—1589), дочь Лоренцо Медичи, родилась во Флоренции, жена французского короля Генриха II, мать Франциска II, Карла IX и Генриха III, регентша во время малолетства Карла IX. Отличалась жестокостью и хитростью. Стояла во главе католической партии против протестантов и была вдохновительницей резни гугенотов в знаменитую Варфоломеевскую ночь (1572).

Когда дон Алонсо прощался с Нико накануне своего отъезда, посол передал ему пакет, сказав:

— Вот это передадите ее королевскому величеству. Это листья табаго. В моем письме я упоминаю о них и прошу королеву обратить свое внимание на действие этих листьев, могущих быть полезными при дворе его величества. Затем я указываю на вас, как знающего все подробно о новом растении, его разведении и прочем. Могу вас завергть, сеньор, что ее величество примет вас со всей добротой, присущей ее сердцу.

На следующий день мул, блестя украшениями на сбруе и звяня колокольчиком, уносил дон Алонсо, в сопровождении двух слуг и другого мула, груженного припасами, под палящим солнцем мимо виноградников, серых от пыли, и апельсиновых рощ на север, к прохладному сумраку дубовых лесов горной громады Серра де-Цинтра.

Глава III.

О ГОРОДЕ, СОХРАНИВШЕМ ДО СИХ ПОР СЛАВУ ЛУЧШЕГО.

Разве на нескольких страничках можно рассказать о таком городе, как Париж?

Будем говорить только о том, что видел и слышал дон Алонсо, когда после двух месяцев пути он очутился в столице Франции.

За время этого долгого путешествия не произошло ничего особенно замечательного, если не считать нападения разбойников в горах Наварры¹⁾, легко отбитого, и сильной бури, захватившей врасплох путешественников и заставившей их ночевать в лесу, не добравшись до постоянного двора.

Первое впечатление было не в пользу прославленного города. Дон Алонсо даже подумал: «А ведь Лиссабон куда красивее».

¹⁾ Наварра—испанская провинция на границе Франции.

Узкие, темные, грязные улицы с отвратительной мостовой производили пренеприятное впечатление. У заставы солдат, от которого сильно пахло вином и чесноком, раскричался, потрясая своей алебардой¹⁾. Признав в дон Алонсо и его спутниках испанцев, он особенно остервенился и требовал их задержания.

И только одно из писем Нико, адресованное на имя всемогущего герцога Гиза²⁾, умерило пыл солдата. Он махнул рукой и, изрядно выругавшись, пропустил путешественников.

После кишащих разношерстным людом базаров, где запах лежальных овощей, не совсем свежего мяса и человеческого пота мешался с запахом ладана, несущимся из часовен вместе с прохладой священного полумрака, и брань торговок и песни уличных мальчишек раздавались вперемешку с церковными песнопениями; после часового блуждания по улицам, где встречный парижанин на вопрос, как проехать на такую-то улицу, непременно показывал в сторону, противоположную только что указанной предыдущим парижанином, дон Алонсо со своими спутниками выехал, наконец, на набережную большой реки³⁾, по ту сторону которой расположились великолепные дома, величественные дворцы, церкви и обширные сады. На большом острове, соединенном высокими деревянными мостами с обоими берегами реки, высилась громада старинного собора, величие которого превышало все виденное до сего времени⁴⁾.

Подъехав ближе, дон Алонсо остановил мула и долго любовался прекрасной архитектурной работой, красотой громадных бронзовых дверей и игрой красок цветных стекол.

1) Алебарда — топор в виде секиры или полумесяца с очень длинной деревянной рукояткой.

2) Герцог Гиз — вождь католической партии, ставший во главе религиозных войн (1519—1563).

3) Река Сена.

4) Собор Парижской Богоматери, начавшийся постройкой в XII веке при короле Людовике VII, остался незаконченным.

Словно кружева вились замысловатые узоры украшений вокруг множества скульптурных изображений святых, и высоко в небо уходили две большие башни, завершая собой великолепие здания.

Проехав мост, путешественники очутились на широкой, хорошо вымощенной улице, по обе стороны которой тянулись сады, прятавшие в своей густой зелени здания больших домов и дворцов.

Это и оказалась та самая улица, на которой был дом друга Нико, где и надлежало остановиться дон Алонсо.

Перекинув поводья слуге, дон Алонсо слез с мула и постучал в дверь.

Хозяин дома оказался весьма гостеприимным и радушным человеком. Принадлежа к придворной знати, он тем не менее был прост в обращении, и дон Алонсо сразу почувствовал себя дома. Кроме всего прочего, оказалось, что хозяин не кто иной, как отец того самого Альберта Жамэна, с которым дон Алонсо познакомился в «Золотой рыбке». Это был мужчина лет семидесяти, сохранивший осанку молодого человека. Его живая речь и блеск веселых глаз делали его на вид гораздо моложе. Только седина волос и бородки и морщины лица выдавали его возраст.

Вечером, отдохнув от своего длительного путешествия и сидя после ужина в удобном кресле перед камином, покуривая свою трубку, дон Алонсо обнаружил в Пьере Жамэне не только прекрасного собеседника, но и знатока истории своего родного города.

Таким образом дон Алонсо с первого же дня своего пребывания в Париже услышал много интересного про столицу Франции.

— А тот самый остров, через который вы проезжали, — продолжал свой рассказ Жамэн, — и на котором стоит наш великолепный собор Парижской Богоматери, и есть то самое место, на котором в древние времена был построен первый поселок. Римские воины, завоевавшие под начальством Юлия Цезаря эти места, называли этот остров «Лютецией»,

а народ, живший на нем—«паризиими». А собор выстроен на месте языческого храма богу Юпитеру. Вот уже четыреста лет прошло с его основания, а он все еще не совсем закончен. Как-нибудь я расскажу вам легенды, связанные с его постройкой. Теперь остров носит название Ситэ, и вот какая жуткая история произошла несколько лет тому назад на одной из небольших уличек возле собора.

Недалеко от улицы «Двух отшельников», на углу одного из прилегавших к ней переулков, стоял небольшой дом, на котором красовалась вывеска цырюльника, а рядом булочника.

Однажды прохожие и соседи заметили собаку, сидящую у двери цырюльника и жалобно воющую. Цырюльник тщетно ее прогонял. Она возвращалась и снова выла.

К концу дня появилась женщина, к которой собака радостно бросилась. Оказалось, что это была женщина, разыскивавшая целый день своего пропавшего мужа. Собака ухватила ее за подол платья и стала тащить в цырюльню, не желая итти прочь. Страшное подозрение охватило несчастную, и она побежала к начальнику уголовной охраны и всему рассказала. Тот приказал произвести обыск в цырюльне.

Результаты оказались потрясающими. Солдаты, спустившись в погреб, нашли там целую гору человеческих костей и клочки тела и одежды недавно убитого, которого женщина признала своим мужем.

Оказалось, что цырюльник, посредством особого механизма, спускал в погреб из тех, кого он брил, наиболее молодых и полных. Там он их убивал и еще не успевшие остыть трупы передавал своему соседу-булочнику, бывшему с ним заодно. Тот изготавливал пироги, начиняя их мясом убитых, и славился своим мастерством, имея много покупателей. Оба злодея были схвачены и сожжены живьем в железной клетке, а дом их был сравнен с землей.

Вы можете видеть там столб с изображением той самой собаки, поставленный в память ужасного преступления¹⁾.

1) Действительное происшествие, описанное в истории г. Парижа.

— Клянусь святым Иаковом!—воскликнул дон Алонсо,— они заслужили муки ада! Дикие новых земель и те не способны на такое зверство!

Затем подумал про себя: «У нас в Лиссабоне таких ужасов не бывало».

— Это еще что,—засмеялся Жамэн,—но я не буду больше рассказывать страшных историй, а то они могут вам присниться. Я рассказал это потому, что мы говорили об острове. Однако надо подумать, как скорее и удобнее вы могли бы представиться ее величеству... Прекрасная мысль! Завтра мы отправимся с вами в «Сад роз», там играют в мяч¹⁾, и король ежедневно принимает участие в игре. Вы соедините любопытное зрелище с возможностью быть представленным королю, и таким образом можно заранее сказать, что вы получите разрешение явиться ко двору, где вы и передадите письмо и пакет ее величеству королеве. А теперь позвольте пожелать вам спокойного сна и приятнейших сновидений. Вы устали с дороги и вам нужен продолжительный отдых.

Дон Алонсо поблагодарил любезного хозяина, проводившего его до комнаты, ему предназначеннной, и скоро заснул, как убитый.

Солнце было уже высоко, когда дон Алонсо проснулся от стука в дверь. Явился один из его слуг.

— Извольте вставать, ваша милость. Сеньор Жамэн осведомлялись о вас. Они ждут в зале.

Поспешив встать, умыться и одеться, дон Алонсо спустился в первый этаж в ту самую залу, где накануне так

1) Игра в мяч—«Jeu de paume»—имела большое распространение во Франции с древних времен. В XV, XVI, XVII и XVIII веках была игрой привилегированного класса дворян и лиц королевского дома. Особенным успехом пользовалась при королях Генрихе II, Карле IX, Генрихе III и Генрихе IV. В помещении игры в мяч в Версале в начале Великой французской революции в 1789 г., 20-го июня, состоялось заседание Национального собрания, закрытого королем. Члены Нац. собр. в этот день поклялись учредить конституцию во Франции.

вкусно поужинал. Там его ждал хозяин, на этот раз угостивший его чашкой шоколада и прекрасным свежим хлебом, что было особенно любезно, так как шоколад во Франции был редкостью.

— Чтобы вы чувствовали себя совершенно как дома,— прибавил Жамэн.

Выпив шоколад, дон Алонсо в сопровождении Пьера Жамэна вышел из дома.

Знакомой дорогой они вышли на набережную и, перейдя мост, очутились на одной из прилегающих к площади Собора улиц, у высокой кирпичной стены, над которой поднимались верхушки больших деревьев. Через узкую деревянную калитку они прошли в сад. С обеих сторон красовались кусты цветущих роз и тенистые широкоствольные дубы и липы. По дорожке, усыпанной гравием, они пошли вглубь сада.

Издали раздавались веселые восклицания нескольких мужских голосов.

— Подождите здесь,—сказал Жамэн, указывая на каменную скамейку,— я пойду вперед и посмотрю, тут ли король.

Дон Алонсо остался один под тенью развесистого дуба.

Было жарко. Высоко в синем небе неслись барабаны облаков. В листве, чирикая, копошились воробы.

Глава IV.

О ТОМ, КАК КОРОЛЬ ЧИХНУЛ.

— Если бы не письмо нашего посла и не присутствие Жамэна, я, право, очень удивился бы, увидав здесь испанца. Но такие рекомендации!... ха-ха-ха!..

Король громко засмеялся. Придворные последовали его примеру.

Дон Алонсо выпрямился после низкого поклона. Смех короля задел его, но он промолчал.

Франциск Второй мало походил на короля. Совсем мальчишка, маленький, тщедушный, с болезненным, бледным и

опухшим лицом, моргающими глазками и слегка отвисшей нижней губой, придававшей лицу глупое выражение. Бархатная плоская шляпа с коротким страусовым пером, бархатная, шитая золотом, пелеринка, узкий, в талию, короткий камзол, широкими буфами коротенькие брюки и тощие ноги в белом трико и мягких туфлях с длинными носками делали фигуру еще более нелепой.

На груди короля блестела золотая цепь, на поясе висел расшитый драгоценными камнями кошелек и небольшая шпага в золотых ножнах.

За королем стояло человек двадцать придворных и несколько пажей. Они были одеты так же, как и их повелитель. Некоторые были без пелерин и шляп и держали в руках ракетки для игры в мяч.

— А главное— эти листья!— продолжал, смеясь, король.— Это замечательно!.. Ее величество будет в восторге!.. Пойдемте, пойдемте скорей!.. Герцог Лотарингский¹⁾ тоже будет доволен. Там вы покажете, как дымят этими листьями... Пойдемте!.. Я чувствую, что у меня даже перестала болеть голова. Ха! Ха!.. Жамен, вы тоже идите с нами!..

И король быстро, вприпрыжку направился к выходу из сада. Пажи и придворные бросились за ним.

— Веселый у вас король,—шепнул дон Алонсо Жамену. Тот пожал плечами.

Все гурьбой пошли за носилками короля. Франциск то и дело высовывался из окна, то что-то крича идущим рядом, то, смеясь, высовывал язык.

Проходившие горожане останавливались и, снимая шляпы, низко кланялись, в окна домов выглядывали любопытные лица.

Опять вышли на набережную и пошли вдоль нее по течению реки.

На берегу росли ивы. Ветки спускались до самой воды. Сушились сети. Лежали опрокинутые лодки. Рыбаки сидели на песке.

¹⁾ Герцог Франциск Лотарингский—брать герцога Генриха Гиза.

Скоро показалось величественное здание дворца. Дон Алонсо должен был сознаться, что по красоте архитектуры и по богатству украшений этот дворец превосходил все им виденные до сих пор.

— Он начал строиться триста пятьдесят лет тому назад и до сих пор все еще не окончен,—сказал Жамен.—Каждый из королей Франции считает своим долгом пристроить что-либо новое и усовершенствовать и украсить старое¹⁾.

Громадная площадь перед дворцом делала его еще величественнее.

Главный вход был украшен роскошными скульптурными работами: статуями, колоннами и проч.

У входа стоял караул солдат в железных шлемах, кожаных коротких кафтанах, вооруженных мечами и алебардами. Завидев королевские носилки, они выстроились у дверей.

Навстречу выбежали пажи, придворные шуты и лакеи. Король велел дон Алонсо ити рядом с ним.

Через роскошную переднюю, по бесконечным ступеням лестниц, по коридорам, по ряду малых и больших зал, то золоченых, то обитых дорогой материей, то украшенных оружием или картинами, прошли они в небольшую залу, довольно темную, так как стекла окон были цветные и стены были отделаны темным дубом.

В глубине на высоком кресле сидела женщина вся в черном. Черный вуаль спускался с головы из-под небольшой бархатной наколки. Это была вдовствующая королева Франции Екатерина Медичи, мать короля Франциска. Острые черты лица, взгляд холодных глаз и вся строгая осанка отражали властолюбие и жестокость.

В руках она держала четки. Ноги покоились на подушке красного бархата. Подле кресла стоял покрытый темным бархатом, резного дерева налой, на котором лежали слоно-

1) Луврский дворец—резиденция королей Франции до Людовика XIV, предпочевшего Версаль; начат постройкой в 1204 г. при короле Филиппе. Постройка продолжалась до 1848 г. Теперь в Луврском дворце помещаются музей и картинная галерея, всемирно известные.

вой кости распятие и большая книга в кожаном переплете с серебряными застежками.

У ног королевы, на скамеечке, сидел придворный шут в пестром костюме и с уродливым лицом.

За креслом стоял придворный капеллан¹⁾—монах, а рядом на стуле сидел высокого роста худой мужчина лет пятидесяти, одетый во все черное, с большим, круглым, нагородившим белым воротником. Маленькая острая бородка и усы окаймляли бледное, сухое лицо, сжатые тонкие губы и небольшие серые глаза, блестящие из-под густых, бровей. Это был герцог Гиз, дядя невесты короля Марии Стюарт.

Король быстро подошел к матери и, встав на одно колено, поцеловал ее руку. Затем он в нескольких словах рассказал королеве о дон Алонсо и представил его ей.

Екатерина, благосклонно улыбаясь, протянула руку для поцелуя.

Дон Алонсо сделал глубокий поклон, очертив перьями шляпы, которую держал в руке, полукруг по блестящему полу. Потом, приблизившись к королеве и поцеловав ее руку, он передал письмо и пакет.

Екатерина внимательно прочла письмо.

— Я счастлива восстановлению мира между нами и Испанией. Преданный нам Нико успешно закрепляет добрые отношения наши с вашим государством. Я рада, сеньор, оказать вам наше гостеприимство и очень прошу вас рассказать нам про завоевание Новой Испании доблестным синьором Кортесом, а также научить нас, как пользоваться этой чудодейственной травой.

Дон Алонсо снова отвесил поклон.

Пажи принесли стулья. Все уселись. Дон Алонсо начал свой рассказ, так часто повторяемый им в Лиссабоне.

Он рассказал со всеми подробностями о славном походе Кортеса, о завоевании Мексики, о царе Монтезуме и его необыкновенных богатствах. Об обычаях и нравах туземцев

¹⁾ Капеллан—священник, состоящий при домовой церкви—капелле.

и, наконец, об их привычке курить листья и лечиться ими. Затем дон Алонсо подтвердил результаты опытов Жана Нико и не преминул указать на те выгоды, которые Франция может извлечь, покупая табак у испанских купцов. С разрешения королевы он закурил свою трубку, что произвело невероятное впечатление на присутствующих. Особенно, когда дон Алонсо выпускал дым через нос.

Королю больше всех понравилась трубка. Каждый раз, когда с новой затяжкой лягушка становилась красной от накала, он прыгал перед дон Алонсо и хлопал в ладоши.

— Эта лягушка восхитительна!—кричал он.—Из-за одного этого стоило заключить мир с Испанией!

Когда дон Алонсо обяснил королеве, что табак помогает и от головной боли, Екатерина тотчас же приказала истолочь и протереть листья в мелкий порошок, а затем дала его понюхать королю.

Все с затаенным дыханием ожидали результата этого странного лечения.

Франциск, нюхнувши табачной пыли, подскочил.

— Ай, щекочет, щекочет!—закричал он.

Потом на его глаза навернулись слезы, и он громко чихнул.

Почтительно приблизившиеся было к нему придворные отскочили.

Король чихнул еще раза четыре и затем, улыбаясь во весь рот, обявил, что это очень приятно и что он чувствует большое облегчение. Его мигрень за много часов стала сразу менее чувствительна, а может быть, и совсем прошла.

Кто-то из придворных попробовал тоже нюхнуть, тоже чихнул и тоже одобрил.

Одним словом, с этого момента успех табака был обеспечен. Королева сказала, что напишит Нико с просьбой прислать как можно больше листьев. Дон Алонсо и его трубка стали самым модным предметом разговора при дворе, а табачные листья получили название «Никотинной травы». Сам дон Алонсо был приглашен в этот же вечер к столу короля, где сидел по правую руку герцога Лотарингского.

Обед длился несколько часов. Дон Алонсо оценил тонкость приготовления блюд и поразительную выдержанность вина.

Поздно ночью дон Алонсо и Пьер Жамэн вернулись домой.

Пожелав спокойной ночи, Жамэн прибавил:

— А ведь ваша лягушка произвела на короля большее впечатление, чем восшествие на престол!

— Да,—согласился дон Алонсо,—у него был такой вид, точно он увидал самого диавола.

Глава V.

ОБ ОЛОВЯННОМ КОЛЕЧКЕ И ВЫКРАШЕННОЙ ЛОШАДИ.

На следующее утро гостеприимный хозяин предложил своему гостю отправиться пешком по городу, обещав показать некоторые его достопримечательности.

— Я с радостью принимаю ваше предложение, сеньор. На моей родине я привык каждое утро совершать утреннюю прогулку. Ничто не облагораживает душу так, как созерцание красот природы, соединенных с красотами созданий человеческого гения.

По мере того как они шли, Пьер Жамэн, останавливаясь, обращал внимание дон Алонсо на те или иные дома, дворцы, сады и церкви и рассказывал про них интересные истории.

Навстречу то и дело попадались обитые богатой материей носилки, с сидящими в них дамами, всадники в расширенных камзолах и плащах, отряды солдат в блестящих шлемах, с пиками в руках.

Но очень скоро улицы сделались узкими и грязными. Здесь дома были меньше и старее. У порогов маленьких лавочонок стояли корзины с пыльными, завядшими овощами, жаровни для жаренья каштанов, над дверьми висели битые, обшибанные куры, и толстые торговки, хриплыми голосами расхваливая свой товар, зазывали прохожих. В темных подвалах и полуразрушенных домишках ютились мастерские

всевозможных ремесленников. Тут были и сапожники, и шорники, и кузнецы, и столяры, и гончары. Из всех дверей неслись песни, пьяная брань и плач детей. С взвешенными волосами, в грязных рубашонках бегали по улице ребятишки, играя и смеясь.

Неосторожные хозяйки выплескивали из окон, к ногам прохожих, помои. Тут же висело и сушилось белье.

На маленькой, совсем круглой площади, с фонтаном посередине, украшенном статуей какого-то святого, расположились прачки со своими корзинами; они полоскали белье в фонтане и стирали в круглых деревянных бадьях. Раскрасневшись от работы, они весело болтали и, увидав необычную для них фигуру дон Алонсо, прыснули со смеху. В том же фонтане несколько детей купали кошку, отчаянно мяукавшую и вырывавшуюся из рук, что доставляло громадное удовольствие ребятишкам.

За площадью снова шла узкая улица, упиравшаяся в небольшую очень старую церковь.

На позеленелых камнях паперти стояли и сидели нищие-калеки, выпрашивающие милостыню. Грязь их лохмотьев и изможденных лиц сливалась с мрачной серостью церковных стен. Из сумрака открытых дверей доносилось пение молитвы.

Что-то вроде проходного двора вело на другую улицу. Дон Алонсо поражала эта грязь и нищета, так резко бросающаяся в глаза рядом с роскошью и богатством других кварталов. Правда, в Лиссабоне тоже много бедняков и некоторые улицы тоже узки и грязны, но это все же не так заметно, как тут. Или, может быть, радостная природа, море и яркое солнце скрашивают ужас действительности? А может быть, и сам народ, не знающий зимы, здоровей и беспечнее?

— Взгляните,—сказал Жамэн,—на этого апостола.

Он указал на толстого монаха в коричневой рясе, опоясанной веревкой, с непокрытой лысой головой и босиком, влезшего на каменную тумбу и говорившего проповедь.

— Не подумайте, что он печется о заблудших овцах стада Господня. О, нет! Он заботится больше о своем кармане, наполняющемся щедрой рукой герцогов Гиз. Не удивляйтесь. Гизы не останавливаются ни перед чем, чтобы укреплять свое влияние в народе. Церковь—одно из их орудий. Что стоит обещать царство небесное верным подданным короля, а королевская казна всегда к услугам герцога.

Толпа зевак обступила монаха и слушала. Он размахивал руками, бил себя в грудь и кричал во всю глотку.

— Бедняга,—заметил дон Алонсо,—как ему трудно дается насущный хлеб, а ведь где-нибудь у него, в прохладе монастырских погребов, припрятан бочонок доброго вина! Посмотрите на его нос, он похож на спелую сливу, а щеки у него, как два зрелых абрикоса. Я думаю, святой отец не очень строго соблюдает посты.

Продолжительная прогулка и вкусный запах жареного мяса, доносившийся откуда-то, заставили подумать об еде.

— Зайдемте в эту харчевню,—сказал Жамэн.—Тут не плохо кормят и дают хорошее вино, в это время дня здесь мало народа.

И действительно, харчевня была пуста. Только хозяйка возилась за прилавком, переставляя посуду.

Заказав жареного мяса и вина, Жамэн и дон Алонсо уселись за стол. Над их головами, во всю стену, была изображена громадная лошадь, наполовину гнедая, наполовину белая, с золотыми подковами и головой, украшенной венком из роз.

— Что это за великолепный конь?—спросил дон Алонсо.

— Это Байар—знаменитый конь храброго рыцаря Рено. Старинные песни рассказывают нам, что король Карл Великий завидовал, что такой храбрый рыцарь и такой могучий и красивый конь (он был темно-гнедой) принадлежат отцу Рено, а не ему—великому победителю народов и повелителю королей. Решив во что бы то ни стало заманить Рено в Париж, Карл Великий об'явил, что устраивает состязание на быстроту лучших коней и в награду победителю подарит четыреста золотых, сто кусков расшитых золотом материй и королевскую корону из чистого золота. Такой хитростью король хотел привлечь Рено на его коне, чтобы удержать их обоих у себя. И действительно, рыцарь приехал, но ни он сам, ни славный конь его не достались королю...

Рассказ Жамена был прерван появившимся на столе блюдом и стаканами с вином.

Дон Алонсо ел с удовольствием и расхвалил вино.

Скоро еда была кончена, вино допито и, расплатившись, они вышли на улицу.

Начинало темнеть, и узкая улица была немноголюдна.

Они шли, не торопясь, и Жамэн продолжал начатый рассказ.

— Рыцарь Можи, сопровождавший Рено, выкрасил Байара в белый цвет, чтобы его не украли, и научил его хромать, как больную клячу. Вид лошади был настолько плачен, что король, глядя на нее, покатился со смеха...

Жамэн не докончил своего рассказа.

На углу двух узких улиц, где из серой и заплесневелой стены невысокого дома торчало деревянное бревно с прившенной к нему вывеской, изображавшей золотого льва, держащего в лапе гроздь винограда, что обозначало, без сомнения, присутствие винного погреба или просто кабака, дон Алонсо и его спутник чуть не были сшиблены с ног выбежавшими из-за угла двумя здоровенными парнями. Эти люди бежали опрометью, закрывая головы руками, точно за ними гнался кто-то, нанося удары. Вдали раздавались крики, женские голоса взывали о помощи. В некоторых окнах показались любопытные головы.

— В этой части города,—заметил Жамэн,—не всегда безопасно: узкие пересекающиеся переулки, особенно с наступлением темноты, служат надежным прикрытием для воров и разбойников.

— Идемте скорей,—сказал дон Алонсо, плотнее завертываясь в свой плащ.

Они завернули за угол и прошли несколько шагов; тут улица снова поворачивала.

В сгустившихся сумерках трудно было различить, что именно происходило. Сыпался отчаянный вопль женщины и несколько грубых мужских голосов, выкрикивавших ругательства.

— Что тут случилось!—крикнул Жамэн, подходя ближе.

— Проваливай к дьяволу, если не хочешь, чтоб тебе пересчитали ребра!—раздался ответ.

В это самое время раздался полуздущенный женский голос:

— Сжальтесь, благородный кавалер, спасите нас!.. Эти разбойники...

— Да замолчишь ли ты, ведьма!

В это самое мгновенье дон Алонсо выхватил шпагу и ринулся вперед.

Жамэн не успел притти в себя, как уже один из разбойников хрипел у него под ногами, а двое других в ужасе спасались бегством.

А дон Алонсо, вытерев шпагу о плащ, снял свою шляпу и отвесил кому-то низкий поклон.

Удивленный Жамэн подошел ближе.

На мостовой, прислонившись к стене дома, сидела со связанными назад руками молодая, прекрасная собой девушка в изодранном платье. Рот у нее был заткнут тряпкой. Широко раскрытые глаза, полные слез, с испугом смотрели на необычную для Парижа фигуру испанца.

— Клянусь святой Варварой!—воскликнул дон Алонсо,— вам больше нечего бояться, прекрасная сеньора! Долг всякого испанца—защищать женщину, кто бы она ни была!

С этими словами дон Алонсо помог девушке встать, вынул тряпку из ее рта и развязал руки.

— Как благодарить мне вас?..—едва приходя в себя, лепетала в волнении девушка. Она в испуге оглядывалась кругом, ища что-то, потом, вскрикнув, бросилась в сторону. Только сейчас дон Алонсо и Жамэн заметили, что неподалеку на мостовой лежала еще женщина.

Девушка рассказала, что возвращалась домой со своей теткой, что их остановили какие-то люди. Прохожие, к которым они обратились за помощью, разбежались, а люди набросились на беззащитных женщин, стали требовать денег и начали издеваться над ней, угрожая убить. Она не помнила, как очутилась связанной и сидящей на мостовой.

После долгих усилий удалось привести в чувство другую женщину. Она рассказала, что видела подошедших, взывала о помощи, но получив сильный удар по голове, потеряла сознание.

По дороге она рассказала, что она сестра бедного ремесленника-шорника, а ее племянница—его дочь, оставшаяся у нее на попечении после рано умершей матери.

Дон Алонсо и Жамэн проводили женщин до их дома, который оказался неподалеку.

Прощаясь, девушка обратилась к дон Алонсо:

— Вы спасли мне жизнь, сеньор, и я не знаю, как отблагодарить вас. А мой жених—Симон Дюбуа—в отсут-

ствии. О, если бы он был здесь, он отплатил бы, усивжив вам. Вот, сеньор, возьмите это кольцо, пусть оно будет свидетельством моей вечной благодарности и принесет вам счастье.

С этими словами девушка сняла с пальца простое оловянное кольцо и протянула дон Алонсо; он взял кольцо и снова отвесил свой испанский поклон.

Девушка в это время скрылась за тяжелой дверью.

— Вот приключение из рыцарской повести,—рассмеялся дон Алонсо.

— Увы,—сказал Жамэн,—такие приключения не редкость в нашей столице. Городская стража недостаточно бдительна и зачастую заодно с этими мерзавцами. Она делит с ворами награбленное и всегда является на помощь слишком поздно. Однако, сеньор, давайте ускорим шаг, наступает ночь, и вряд ли вам хочется еще раз испытать упругость вашей шпаги.

— Да, на сегодня с меня довольно,—засмеялся снова дон Алонсо, на которого приключение с девушкой и ворами произвело самое приятное впечатление.

— А как вы думаете, сеньор Жамэн, ведь это колечко наверное подарил ей жених, о котором она говорила? Не очень-то он обрадовался бы, увидав его на моем пальце. Пожалуй, он, узнав о подарке, надает колотушек своей милой!?

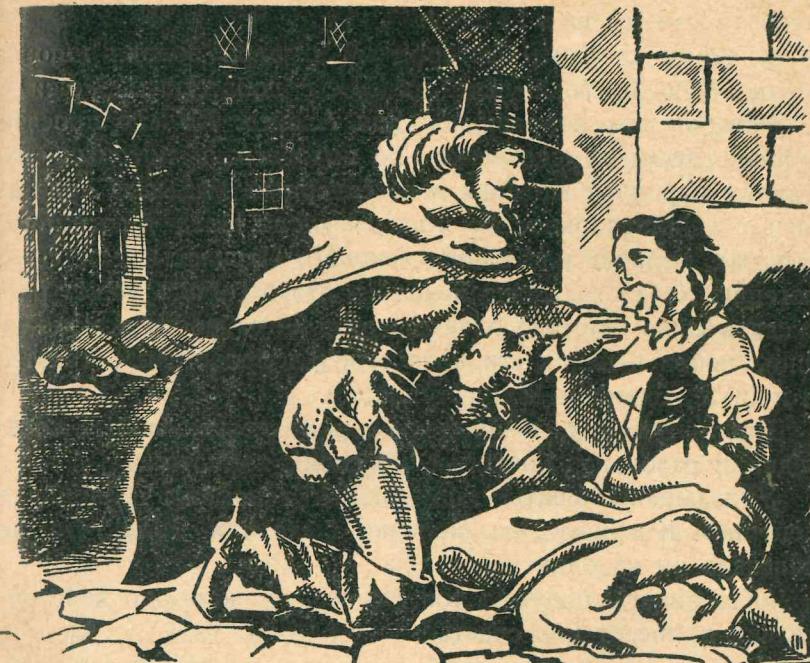
Скоро узкие улицы сменились широкими, в окнах заглянули огни, и дон Алонсо с его спутником очутились перед своим домом.

Когда они после обильного ужина снова сидели у пылавшего камина, дон Алонсо вспомнил об истории, которую начал рассказывать Жамэн на улице и которая была так неожиданно прервана.

— Если вам не надоело слушать меня, то извольте.

Жамэн удобнее сел в кресло, а дон Алонсо задымил трубкой.

— Итак, король Карл Великий покатился со смеха, увидав под Рено хромую клячу. Когда очередь скакать дошла

до Рено, он нагнулся к уху своего коня и сказал ему: «Байар, если мы отстанем от наших противников, нас с тобой осмеют». Конь понял слова своего господина, он звонко заржал, приложил уши, потряс головой, раздул ноздри, начал в нетерпении рыть землю сильными ударами ног и напряг свои силы. Рено отпустил поводья, и Байар помчался стрелой. Земля гудела под его копытами, и ветер свистел.

Увидя это, король вскочил с места и закричал рыцарю Рено: «Остановись! Остановись! Не трогай короны и бери все остальное! Сойди со своего коня, я заплачу тебе за него всеми сокровищами моей казны!»

Тогда рыцарь Рено остановил коня, подъехал к палатке короля и, гордо подняв голову, сказал: «О, Карл, я не нуждаюсь в ваших сокровищах; я—Рено, а этот добрый

конь—Байар, скажите нашему племяннику рыцарю Роланду, чтобы он сам пришел за ним!»

С этими словами благородный рыцарь вонзил шпоры в бока своего коня и исчез, вместе с доблестным Можи¹⁾.

История эта понравилась дон Алонсо. По его просьбе Жамэн рассказал еще несколько подобных, в которых старинные народные поверья и легендарные вымыслы сплетались с действительностью. Каждая улица, каждый дом, мост, вывеска, церковь или башня векового Парижа имели свою легенду. Казалось, каждый камень этого города может рассказать свою историю о человеческой храбрости и малодушии, любви и ненависти, коварстве и добродетели, богатстве и нищете, героизме и преступлении.

Камин догорал, и пропели первые петухи, когда собеседники разошлись, наконец, по своим комнатам.

Укладываясь спать, дон Алонсо вспомнил о подарке девушки. К сожалению, колечко было так мало, что не налезало ни на один палец.

«Кто знает,—подумал дон Алонсо,—может, оно действительно принесет мне счастье».

Долго не зная куда девать колечко, он решил, наконец, надеть его на чубук своей трубки, на котором оно держалось очень крепко.

Глава VI.

О ФРАНЦУЗСКОМ ВИНЕ, ДЕРЕВЯННОЙ НОГЕ И О МНОГОМ ДРУГОМ.

Когда на следующий день после прогулки они возвращались домой, дон Алонсо непременно захотелось зайти в маленький кабачок, мимо которого они проходили.

— Мне это напоминает мою «Золотую рыбку»,—сказал он.

Жамэн попытался не исполнить странного желания испанца и попробовал отговорить его.

1) Легенда о коне Байаре входит в содержание песен древне-романского народного эпоса—„Chansons de geste“.

— Нет, нет,—упрямился дон Алонсо,— я непременно хочу зайти сюда и посмотреть, как у вас пьют и веселятся.

Над входом в кабачок висела вывеска с нарисованным на ней чортом с длиннейшим хвостом и с красным языком. Перед чортом стояла на огне высокая кастрюля, в которой он мешал длинной палкой. Из кастрюли шел густой пар. Внизу красовалась золотыми буквами надпись: «Чортова кастрюля».

Чтобы попасть в «Чортову кастрюлю», надо было спуститься по каменным ступеням в подвал.

Снизу неслись пьяные голоса, брань, звон посуды и пение; пахло вином, жареной говядиной, чесноком и людьми.

Одна низкая большая комната со сводчатым потолком, земляным полом, деревянным прилавком в глубине, за которым виднелось несколько винных бочек, деревянным столом и лавками и двумя масляными лампами, приделанными к стенам, вмещала в себе человек шестьдесят посетителей.

Это были главным образом мелкие ремесленники, торговцы, солдаты и просто всякий уличный сброд, какого много во всех кабаках всех стран.

За прилавком стояла хозяйка—толстая высокая женщина лет пятидесяти, кривая на один глаз, с красным заплывшим лицом и жирными красными руками. Из-под чепца выбивались клочья седеющих волос. На ней был надет грязный фартук. Она разливала вино из бочек и покрикивала на двух слуг, метавшихся от прилавка к столам и обратно.

В этом пьяном гаме дон Алонсо сперва не мог ничего разобрать. Когда же они уселись за стол и начали тоже пить вино, которое, кстати сказать, было совсем не плохим, дон Алонсо, прислушавшись, очень удивился словам песни, доносившейся с соседнего столика. Там сидело трое сильно подвыпивших человек: двое солдат и один, повидимому, торговец с деревяжкой вместо ноги. Они громко пели, отбивая тakt кружками по столу. Слова песни были приблизительно следующие:

У наших капитанов
Новые кафтаны,
Боевые, красивые
И длинные ножи,
Чтоб резать гугенотов,
Воткнуть ножи им в горло,
И красная повязка,
Нам всем ее носить!...

— Какая странная песня,—сказал дон Алонсо.—О ком это они поют и кого грозят так жестоко убить?

— Гугенотами называют у нас протестантов, впавших в ересь и ведущих борьбу с католической церковью,—отвечал Жамэн.—Эта песня сочинена католиками в угрозу гугенотам за их безобразия, которые они позволяют себе. Не так давно еще при короле Генрихе Втором на углу улицы Роз и улицы Евреев гугенотами была отбита голова у статуи Богоматери. Король велел заменить ее серебряной статуей, совершив торжественное богослужение. Покойный король пригрозил гугенотам сожжением, и они утихли было. А теперь опять подняли голову, особенно после того, как во главе их стал дворянин Лареноди, друг короля Наваррского и принца Людовика Кондэ, которые сочувствуют гугенотам. Но герцог Гиз поклялся их уничтожить. Вдовствующая королева—правоверная католичка и тоже против еретиков. Народ озлоблен и во всякую минуту можно ждать расправы с безбожниками¹⁾.

¹⁾ Гугеноты—французские протестанты (кальвинисты). Им покровительствовала королева Маргарита Наваррская, сестра франц. короля Франциска I. Возникли тайные лютеранские общины. Но среди дворян и среднего сословия успехом пользовалось учение Кальвина об истинном божестве. При короле Франциске Втором герцогом Гизом — фактическим правителем страны—была учреждена особая комиссия, следившая за делами и приказами об еретиках. Часть дворян кальвинистов, под руководством Лареноди, составила заговор с целью потребовать свободы совести и удаления Гиза, а в случае отказа — захватить короля и передать управление Бурбонам—Антону Наваррскому и Людовику Кондэ. Заговор был раскрыт, король бежал из замка Блуа в Амбуаз. Нападение

— Но для этого существует святая инквизиция, которая может послать еретиков на костер,—сказал дон Алонсо.— Зачем королеве и герцогу надо ввязываться в эти дела? По-моему, все это надо предоставить церкви. Нельзя шутить с тлеющими угольями—может быть пожар.

Последние слова дон Алонсо произнес довольно громко, так что они долетели до соседнего стола. Человек с деревяшкой оглянулся и оглядел дон Алонсо с ног до головы.

— Прошу вас говорить тише,—прошептал Жамэн,—вас могут услыхать и тогда...

Он не договорил. Человек с деревяшкой стоял у их стола и, качаясь, пьяными, налитыми кровью глазами смотрел на дон Алонсо.

— Кто вы такой,—начал пьяный,—и какое вы имели право говорить такие слова?

— А кто вы такой,—насмешливо, в свою очередь, спросил дон Алонсо,—и какое вы имеете право говорить такие слова?

Жамэн толкнул дон Алонсо локтем.

— Разве вы не знали,—продолжал приставать пьяный,—что за такие слова бывает?

— Простите меня, но я иностранец и в первый раз в Париже.

— Уж не из Наварры ли вы, сеньор?

— Вы не угадали, я не из Наварры.

Разговор привлек общее внимание. Многие встали и подошли ближе, рассматривая дон Алонсо.

— Ваше счастье,—продолжал пьяный,—а то бы я посадил вас на вертел!

заговорщиков на Амбуаз было отбито. Многие погибли, остальные были казнены.

Вскоре начались религиозные войны (1563). Англичане и немцы помогали гугенотам. В 1567 г. католики разбили гугенотов при Жарнаке. Кондэ был убит. В 1572 г. произошла знаменитая резня гугенотов (Варфоломеевская ночь), подготовленная вдовствующей королевой Екатериной Медичи. Религиозные войны продолжались до второй половины XVII века.

С этими словами он похлопал по шпаге, висевшей у него на боку.

Общий хохот покрыл слова пьяного, и он, довольный своей остротой, сел на свое прежнее место и снова затянул, уже совершенно осипшим голосом, песню о гугенотах.

— Пойдемте лучше домой,—сказал Жамэн,—от этой черни добра не дождешься!

Допив вино, они вышли из кабачка.

На следующий день дон Алонсо со смехом вспоминал проведенный вечер.

— Это, действительно, какая-то чортова кастрюлька! А этот одногий пьяница изрядный католик. Я не понимаю только, почему вы так волновались? Я ведь ничего не сказал плохого ни про герцога, ни про королеву?

Жамэн пожал плечами.

— Дело не в том, какие слова вы говорили, а в том, что вы вообще это сказали. Надо надеяться, что там не было людей герцога. Признаться вам откровенно, сеньор, я очень беспокоюсь, не было бы каких-нибудь неприятностей. У нас в Париже стены и те с ушами. Вы были неосторожны, сеньор.

— Но кто же это знал?!—воскликнул дон Алонсо.—У нас в Испании каждый добрый католик чувствует себя в безопасности.

Прошли еще сутки, и дон Алонсо не думал больше о разговоре в кабачке. Происшествие это перестало его занимать. Он занялся дальнейшим осмотром столицы и ее окрестностей. В сопровождении Жамэна, уделявшего ему полдня, дон Алонсо осмотрел собор Парижской Богоматери, поразивший его своим величием и богатством ризницы; посмотрел, как тут же, недалеко от собора, сжигали на костре еретика. Несчастный был привязан к столбу. Он был в белой рубашке, босиком, а на голове у него был высокий остроконечный колпак, разрисованный фигурами чертей.

Перед ним стоял монах и, держа на длинной палке крест, подносил его к лицу сжигаемого.

Толпа зевак окружала помост, выкрикивала ругательства, бросая грязью и камнями в умиравшего.

Затем дон Алонсо и Жамэн сделали большую прогулку верхом. Они переехали на другую сторону Сены, к западу от острова, проехали большой лес и поднялись на высокую гору, где находился старинный монастырь, хранящий мощи святого Клодоальда, чтимого парижанами. С этой горы был великолепный вид на расстилавшиеся ковром леса, на поля,

на серебристую, сверкающую на солнце ленту реки и на Париж.

Налюбовавшись видом, дон Алонсо и Жамэн пошли в монастырь, где были приветливо принятые монахами, угостившими их прекрасным вином, хлебом и сыром.

На расспросы Жамэна один из монахов, покачав головой, стал жаловаться:

— Тяжелые дни наступают, сын мой, злоба и ненависть людская крепнет, и враги церкви, по наущению дьявола, ополчаются. Боимся мы, что снова придется нам—слугам святого—переносить мощи его в Парижский собор, чтобы укрыть от бесчинств нечестивцев. Но справедлив гнев все-всего, и безбожники будут наказаны!

— Амины!—сказал дон Алонсо.

Той же дорогой вернулись они домой.

Глава VII.

О ПЕЧАЛЬНЫХ ПОСЛЕДСТВИЯХ ВЕСЕЛОГО ВЕЧЕРА.

В эту же ночь, когда по улице прошел дозор, простучав гвоздями тяжелых сапог, и захлопнулась запоздавшая ставня, когда кончили перекликаться из двора во двор первые петухи и воцарилась полная тишина, в дверь дома Пьера Жамэна с улицы постучались.

Так как все в доме уже крепко спали, то первый стук остался без ответа. Вскоре последовал второй, более сильный, разнесшийся по тихим комната姆.

Дон Алонсо проснулся, подошел к окну, выходящему на улицу. Приоткрыв ставню, он стал прислушиваться. Слышался чей-то тихий разговор. Слов разобрать нельзя было. Потом оклик одного из слуг Жамэна:

— Кто там?

И грубый и громкий голос:

— Именем короля—откройте!

Опять перепуганный голос слуги:

— Сейчас позову хозяина!

И ответ с улицы:

— Живо! Поворачивайся!

Прошло минуты две. Затем послышались шаги и голос Жамэна спросил:

— Кто вы такие и что вам нужно?

— Именем короля!—раздался в ответ тот же голос,—откройте!

Потом раздался звон замка и скрип засова.

Наступила тишина, продолжавшаяся недолго. Послышались тяжелые шаги по лестнице. Все ближе. Сильный стук в дверь.

Дон Алонсо невольно вздрогнул:

— Кто там?!

— Именем короля!

И дрогнувший голос Жамэна:

— Сеньор, отворите!

Дон Алонсо отворил дверь и отступил.

В дверях стояли двое вооруженных людей. Один из них держал в руках зажженный фонарь. За ними стояли Жамэн, бледный, как полотно, еще двое солдат и слуга.

— Я к вашим услугам, сеньоры,—произнес твердым голосом дон Алонсо.

Один из вошедших обратился к нему.

— Именем короля прошу вас, сеньор, следовать за нами. Там, куда мы вас отведем, вам сообщат причину вашего беспокойства. Торопитесь одеться, мы и так потеряли много времени!

Дон Алонсо был ошеломлен и возмущен. Он, конечно, сразу сообразил, что опасения Жамэна оправдались и что эти люди пришли арестовать его и посадить в тюрьму только за то, что он посмел критиковать действия герцога Гиза.

Вся кровь дон Алонсо кипела от желания уложить на месте пришедших.

Но в чем же они виноваты, исполняя приказание своего начальства?

Быстро собравшись, дон Алонсо подошел к Жамэну.

— Мне очень стыдно, сеньор, что вы принуждены из-за меня переносить все эти неприятности. Я поплатился за свою неопытность. Простите меня, сеньор! — он протянул руку Жамэну.

Тот горячо пожал ее, шепнув:

— Я постараюсь сделать все возможное!..

— Скорей, скорей! — окликнул солдат.

Еще раз пожав руку Жамэну, дон Алонсо пошел вниз по лестнице, сопровождаемый солдатами.

Вышли на пустую темную улицу. Державший фонарь шел впереди, за ним дон Алонсо между двух других солдат и, наконец, четвертый — сзади. Все были вооружены саблями и алебардами. Только один, говоривший с дон Алонсо, был с одной шпагой: это был, вероятно, начальник.

Гулко раздавались шаги в ночной тишине.

Мирно спали граждане Парижа.

Шли молча минут двадцать. Наконец, повернув узкой уличкой, вышли на широкую площадь

Дон Алонсо увидел вдали, на начинавшей уже светлеть восточной стороне неба, мрачный силует громадного замка. Зубцы круглых башен подымались высоко в небо. Жутко было молчание этой темной громады, точно спящего гигантского чудовища¹⁾.

Обогнув стену крепости, остановились у больших железных ворот. Один из солдат ударил алебардой в ворота. Гулко отдался звук удара, и послышались медленные шаги и сонный голос из-за ворот: «Кто?» — «Именем короля!» — отвечал солдат. Залязгали цепи, и скрипя, медленно начала отходить одна половина ворот.

Сопровождавшие дон Алонсо толкнули его в открывшуюся щель. Очнувшись под сводами стены, он слышал, как опять заскрипели ворота и тяжело упал, звеня цепями, засов.

«Кончено», — подумал дон Алонсо.

Так же молча, провели солдаты арестованного через внутренний двор, где с обеих сторон стояли длинные дома, очевидно, казармы.

Пройдя двор, остановились у глубокого рва, наполненного водой. По ту сторону высилась одна из башен, в стене которой был подъемный мост. Солдат крикнул. Над мостом в отверстии в стене на мгновенье показалась фигура, потом мост медленно и почти бесшумно опустился. Пройдя его, солдаты повели дон Алонсо темными, холодными переходами, лестницами и ввели, наконец, в небольшую сводчатую комнату, где на деревянной скамье за столом дремало несколько человек.

Услыхав шаги, они подняли головы и сонными, опухшими, мутными глазами посмотрели на пришедших. Один из них встал, загремев связкой ключей и, медленно переваливаясь, подошел к дон Алонсо.

¹⁾ Бастидия — сперва крепость, потом место заключения государственных преступников. Начата постройкой в 1370 г. при короле Карле V, закончена в 1382 г. 14 июля 1789 года взята восставшим народом и разрушена. Носила также название «Королевского замка св. Антония».

— Пойдем, — глухо сказал он и поплелся в тьму перехода с тусклым фонарем в руке.

Дон Алонсо покорно последовал за ним.

Тюремщик остановился и, открыв под ряд одну за другой три двери, показал дон Алонсо, чтобы он вошел.

Помещение было довольно большое и высокое. На противоположной от двери стене под потолком было небольшое окно с тремя рядами решеток. На каменном полу стоял стол, стул и кровать, покрытая соломой. Тут же стояла кружка с водой.

— Как называется эта тюрьма? — спросил дон Алонсо. Тюремщик ничего не ответил.

Одна за другой закрылись все три двери.

Дон Алонсо сел на кровать.

Из соломы выскочило что-то и зашуршало по полу.

«Крыса», подумал дон Алонсо.

Слабый свет зарождающегося дня проникал сквозь решетки окна.

Кругом была жуткая тишина и холодный, сырой мрак.

Все происшедшее за эту ночь было так неожиданно и так нелепо, что казалось — все это снится.

«Я предпочел бы очутиться в пленах у краснокожих, чем в этой могиле у своих же братьев — католиков!»

Вынув трубку, он выбил кремнем огонь, закурил и погрузился в тяжелые размышления о том, как ему быть и что предпринять.

Глава VIII.

О НОВОМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕ ИСПАНСКОЙ ДОБЛЕСТИ.

Два следующих дня не принесли ничего нового. И хотя дон Алонсо был испанцем и, как подобает таковому, никогда не терял присутствия духа в самые опасные минуты и не впадал в отчаяние в самых ужасных положениях, а в них он побывал не один раз во время похода на Мексику, на этот раз он пришел в замешательство и никак не мог

решить, что ему делать. Правда, дон Алонсо еще никогда не приходилось сидеть в тюрьме, да еще за такую глупость.

А что если его причислят к опасным государственным преступникам? А что если его продержат здесь несколько лет? А что если его забудут совсем в этом каменном ящике, как забывали, по рассказам, уже многих?

Все эти вопросы заполняли сознание дон Алонсо и в первую же ночь лишили его сна.

На смену этим жутким мыслям явились другие — успокаивающие. Вроде того, что Жамэн, конечно, будет хлопотать, если нужно, доложит королю, королеве, упросит герцога Гиза. Или, что за него заступится Жан Нико, узнавший об его аресте из письма, которое, конечно, напишет Жамэн. Наконец, недавнее заключение мира с Испанией заставит одуматься французское правительство, которое не захочет снова портить отношений из-за ареста по пустякам подданного короля Испании. И так далее, и так далее... Перебирая все возможности, он остановился, наконец, на одном твердом решении: он во что бы то ни стало напишет королеве — она может все. И, потребовав от тюремщика все нужное для писания, он принялся за дело, пыхтя своей трубкой.

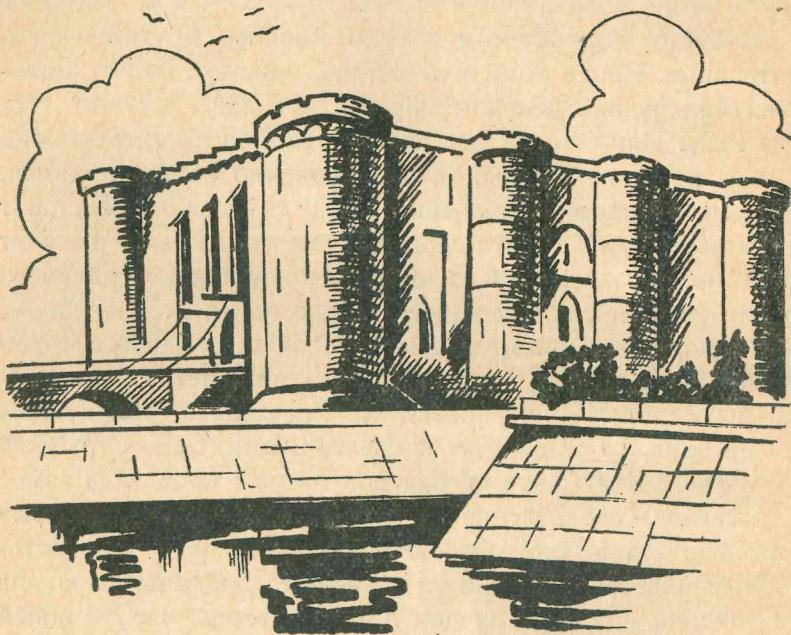
Нужно сказать, что трубка дон Алонсо произвела самое потрясающее впечатление на тюремщика, и соблазн был настолько велик, что этот, повидимому, добрый и простодушный человек нарушил строжайшие тюремные правила и заговорил. Он спросил дон Алонсо, правда, еле слышным шепотом и загородив собой арестованного от двери, что это он держит во рту и что это за животное, которое, то вспыхнет, то тухнет, и отчего идет дым, и зачем вообще надо дымить?

Это случилось как раз в тот момент, когда дон Алонсо надписывал письмо, чтобы передать его для отправки. Он мигом сообразил, что надо использовать такой редкий случай.

— Я с удовольствием отвечу на твои вопросы и очень рад, что ты заговорил. Я, признаюсь, боялся, что ты немой

и глухой. Но отвечу я с тем условием, что за каждый мой ответ ты мне ответишь, в свою очередь, на мои вопросы. Не бойся. Никаких государственных тайн тебе открывать не придется, а кроме того, никто не узнает о нашем разговоре.

Все это дон Алонсо сказал тоже очень тихо, чем расположил к себе тюремщика.

Удовлетворив любопытного и, прибавив несколько фантастических свойств табачным листьями для большего впечатления, дон Алонсо получил и от своего собеседника некоторые немаловажные для себя сведения.

Например, что тюрьма, где он заперт, носила название «Королевского замка святого Антония» и что в ней содержались только важные государственные преступники. Что начальник замка был врагом герцога Гиза и что его скоро должны сместить и что накануне приезжал посланный от

герцога и рассматривал донесение о дон Алонсо. Последнее особенно порадовало его: значит, Жамэн не теряет времени.

Рассказы ли тюремщика о диковинной, дымящей лягушке, приезд ли герцогского посланного, письмо ли к королеве или еще что-либо, но через два дня дон Алонсо отвели к начальнику тюрьмы, который, расспросив подробно об обстоятельствах дела, сообщил, что ее величеству угодно лично говорить с арестованным, и поэтому завтра утром его отвезут во дворец.

Невероятно обрадовавшись, дон Алонсо осторожно завел с начальником разговор сперва о королеве, потом о герцоге Гизе и, наконец, свернул на религиозную рознь и отношения католиков к гугенотам. Все это он говорил, помня рассказы тюремщика.

Начальник, сперва сурово смотревший на дона Алонсо, изменился в лице, глаза его заблестели и посмотрели на арестованного даже дружески.

— Я знаю Жамэна,—сказал он по-испански, вероятно, чтобы тюремщики не поняли его,—он мой друг, и я сделаю все, что от меня зависит, чтобы вам было лучше... Уведите его!—приказал он тюремщикам.

Теперь можно было думать, что судьба улыбнулась дон Алонсо. На душе стало сразу легче и стены тюрьмы показались не такими мрачными.

Но на следующее утро дон Алонсо снова охватило сомнение. За эти несколько дней он научился угадывать время по слабому лучу солнца, проникавшему в окно. И вот теперь было ясно, что утро уже прошло. Что же это значит? Неужели его обманули?

Снова жуткие предположения завертелись в голове, и, когда прошло еще несколько часов, дон Алонсо был близок к отчаянию. Лучше бы его не вызывали и лучше бы он не говорил с начальником.

И когда прошли часы, когда клочок неба в окне начал тускнеть и дон Алонсо понял, что наступает вечер, тогда

только его сознание пронизала ужасная мысль: «Все это пытка, придуманная, чтобы увеличить его мучения».

Бессонные ночи, плохая пища и волнения заставили потерять самообладание.

Дон Алонсо упал лицом в солому.

Но в эту самую минуту раздался звук отпираемых дверей. Дон Алонсо поднялся.

Когда тюремщик повел его по темным переходам к начальнику, все еще не верилось, что повезут во дворец.

Строго и громко начальник сказал:

— Ее величество не могли принять вас утром. Вы поедете туда сейчас.—Он сделал знак страже.—Ступайте!

Дон Алонсо посадили на повозку. Двое солдат сели побе его стороны. Не доезжая нескольких домов до дворцовой площади, повозка остановилась, и дона Алонсо повели дальше пешком.

Наступили сумерки, в которых дворец казался еще больше и еще живописнее.

Солдаты передали дон Алонсо дворцовой страже, которая и сопровождала его до покоя королевы.

Екатерина приняла дон Алонсо холодно.

— Мне говорил о вас Жамэн, и я удивилась, сеньор, происшедшему с вами, я удивилась тому, что вы злоупотребили нашим гостеприимством... да... да... не пытайтесь меня разуверить в этом... вы злоупотребили нашим гостеприимством и позволили себе громко и в присутствии многих критиковать наше управление страной...

Дон Алонсо пытался было возражать, но понял, что это ему все равно не удастся.

— Получив ваше письмо и выслушав просьбы Жамэна,—продолжала королева,—я приказала привести вас сюда, чтобы вы лично сказали мне все то, что вами было высказано при всех. Предупреждаю вас, сеньор, что вы избавитесь от нашего справедливого гнева и от наказания только в том случае, если докажете, что вы не говорили этих слов.

Королева протянула дон Алонсо бумагу. Это было сообщение агента герцога Гиза о словах, сказанных доном Алонсо в кабачке «Чортовой кастрюльки».

Дон Алонсо пробежал глазами написанное.

— Если ваше величество поручили управлять Францией герцогу Гизу, то он, видимо, поручил это своим людям, которые усердно работают на славу своей королеве и Франции.

Екатерина нахмурила брови и сверкнула глазами.

— Вы забываете, сеньор, перед кем вы стоите!

— К сожалению я это слишком хорошо помню, ваше величество.

— Я приказываю вам замолчать, сеньор!—воскликнула королева, топнув ногой и, понизив голос до шепота, проговорила:—Я велю запереть вас в самый дальний и темный подвал замка и забыть вас там...—Она хлопнула в ладоши, и вошедшая стража увела дон Алонсо.

В одном из коридоров, плохо освещенных, быстро подошла какая-то фигура, и дон Алонсо услыхал едва слышный шепот: «Закурите трубку!» Человек сделал вид, что нечаянно столкнулся с идущими.

Дон Алонсо сперва опешил. Потом сообразил, что от него хотели и зачем.

Он уверенно ускорил шаг.

Когда же повозка с арестованным повернула с улицы святого Антония в узкий переулочек, ведущий к площади замка, там было совсем безмолвно и темно. По обеим сторонам тянулись глухие стены сараев. Только трубка дона Алонса вспыхивала красным огоньком.

— Стой! — раздалось впереди.

Фигуры двух всадников надвинулись на повозку.

Лязг оружия. Короткая борьба. Вскрики. Один за другим падают солдаты.

Дон Алонсо почувствовал, как чья-то рука схватила его и усадила на лошадь, которая понеслась вскачь. Он чувствовал за собой прерывистое дыхание всадника, одной рукой придерживающего его. Впереди был мрак.

Эта бешеная скачка продолжалась более получаса.

Они скакали по темным улицам, через мосты и площади, в гору и под гору. Выбежавший у заставы на середину улицы алебардщик махал фонарем и кричал: «Стой!» Лошадь чуть не сшибла его с ног. Везший дон Алонсо крикнул ему: «Именем короля!» И они промчались дальше. Потом сразу замолк стук копыт и свистевший в ушах ветер донес запах земли и деревьев. Они мчались лесом.

Наконец, всадник остановил лошадь и слез.

— Оставайтесь на лошади, сеньор, видите там налево дорога делает поворот, за ним через час пути увидите хижину. Там вы переноочуете и найдете, что поесть себе и коню. Вот вам деньги. Господин Пьер Жамэн желает вам счастливого пути и просит вас ему ничего не писать. Не спрашивайте меня ни о чем более, сеньор. Каждая минута дорога. Поезжайте. Дорога идет на юг. Счастливый путь, сеньор!

Дон Алонсо не успел даже разглядеть лица говорившего. Человек отошел и скрылся в темноте. Слышно было, как он перепрыгнул канаву и ушел в глубь леса.

Дон Алонсо пришпорил лошадь и поскакал по темной дороге.

Все случилось так неожиданно, что трудно было привести сразу свои мысли в порядок. Кроме того, усталость взяла свое, и дон Алонсо, найдя указанное место ночлега, уснул, как убитый.

Только к концу следующего дня, когда он от'ехал уже довольно далеко и трудно было предположить возможность погони, он успокоился и собрался с мыслями. Одно было совершенно ясно: его бегству способствовал Жамэн, в котором дон Алонсо с первого же дня угадал хорошего человека. Вероятно, он же устроил так, что королева отменила утреннее свиданье.

Лишь бы добраться до Наварры. Там он найдет двух или трех слуг, купит мулов и поедет домой.

Все ужасы, пережитые в Париже, казались страшным сном.

Глава IX.

О ЖАРЕНЫХ КАШТАНАХ И ПРЕКРАСНОМ ВОЗДУХЕ ПИРЕНЕЙСКИХ ГОР.

Прошло десять дней. Плодородные поля, густые леса и полноводные реки уступили место пустынным песчаным холмам, с редко попадающимися немногочисленными стадами тощих овец и бедными покривившимися домиками деревушек. Зной и долгое путешествие утомили и всадника и лошадь. Неутомимый в походах былых лет, дон Алонсо устал от скучного однообразного путешествия, тем более, что этой же дорогой ехал он недавно в Париж и все кругом было ему знакомо.

Только на четырнадцатый день увидел он вдали синеющую дымку лесов, а за ними неясные очертания гор. Это были Пиренеи, за которыми простиравась дорогая его сердцу Испания. Через сутки он в'ехал в маленький пограничный городок, где решил променять свою лошадь на мула, нанять людей и, отдохнув немного, отправиться дальше.

Хозяин харчевни, под вывеской «Трех королей», расспался в любезностях. Ему редко приходилось видеть у себя знатных особ, всегда так щедро платящих. Он отвел приехавшему лучшую комнату на втором этаже, правда, немного низкую и не особенно чистую, в которую надо было добираться по ужасной кривой и совершенно темной лестнице, но зато с двумя окнами, выходящими прямо на главную городскую площадь, где находился рынок.

— Ваша милость останетесь довольны,—болтал на полуфранцузском, полу-испанском наречии услужливый хозяин,— клянусь св. Антонием Падуанским, благородный иdalго не сыщет лучшей харчевни ни по эту, ни по ту сторону Адура¹⁾. Моя жена, храбрейший сеньор, умеет жарить каштаны так, как этого не сделает лучший повар его святейшества папы,

¹⁾ Адур—река в юго-западной Франции. Берет начало в Бигорских горах. Впадает в Бискайский залив. Протяжением в 336 км. На этой реке стоит город Байонна.

а пиренейские перепелки на вертеле превращаются в такое кушанье, которое и не снилось королям. А вино, сеньор! Вино «Трех королей» славится по всей стране. Клянусь Мадонной, ваша милость останутся довольны!

Дон Алонсо попросил хозяина оставить его одного, так как он устал и хочет немного отдохнуть.

Скинув платье и растянувшись на мягкой перине, дон Алонсо крепко заснул.

Во сне мерещились ему мрачные переходы парижской тюрьмы, ласковая улыбка девушки, протягивающей ему колечко, и добродетельное лицо Пьера Жамена, которое вдруг пре-

вратилось в глупую рожу французского короля, чихнувшего прямо в лицо дона Алонсо.

Он вздрогнул и проснулся.

«Вся эта дрянь все еще лезет мне в голову», подумал он и принял решение одеваться.

Наступал вечер. Загудел церковный колокол, и заходящее солнце облило красными лучами стены и пол.

Надо было торопиться достать мула и нанять людей, чтобы на рассвете ехать дальше.

Дон Алонсо спустился в нижнюю комнату харчевни, где стояло несколько деревянных столов, длинный прилавок и пыпал огонь в высоком очаге. Пахло вином, дымом и жареным мясом. За столиками сидело несколько человек рыбных торговцев и погонщиков мулов. У очага хлопотала жена хозяина — толстая, краснощекая женщина в грязном фартуке и красном платке на голове, за прилавком стоял сам хозяин и разливал вино.

Увидав дон Алонсо, он вынырнул на середину комнаты и с низкими поклонами воскликнул:

— Приветствую благородного ильярио и смею спросить, какого вина и каких блюд будет угодно вашей милости?!

Дон Алонсо обяснил, что сейчас должен уйти по делу, но что скоро вернется и просит дать ему поужинать.

На это хозяин приложил руку к сердцу и, снова отвесив поклон, воскликнул:

— Все сокровища «Трех королей» будут предложены вниманию ильярио! Жена! Зажарь каштанов и вели оципать десяток самых жирных перепелок! Благородный сеньор получит все самое лучшее!

Не так просто было найти человека, пожелавшего отдать мула за лошадь. Во-первых, потому, что час был поздний, рынок опустел, торговцы разъехались по деревням, погонщики пропивали заработанные деньги в харчевнях и считали, что раз их трудовой день закончен, то всякий, желающий иметь с ними дело, может отложить его до следующего дня, а мирные граждане городка, по исстари заве-

денному обычаю, заперлись у себя в домах, наглухо затворив ставни и плотно закрыв двери тяжелыми засовами. Какой же добрый человек вздумает постучаться к ним после захода солнца? Во-вторых, дон Алонсо не знал, к кому обратиться в незнакомом городе, а хозяину харчевни он не хотел ничего говорить. Этот болтун наделал бы столько шума, что взбудоражил бы всех, и весь город узнал бы об отъезде идальго.

Побродив некоторое время по пустынным улицам, дон Алонсо хотел было уже возвращаться в харчевню, как вдруг увидел погонщика, гнавшего двух мулов. К нему-то и подошел дон Алонсо.

На счастье, погонщик не стал долго торговаться и согласился на мену.

— Если сеньор прибавит еще один золотой и обещает по приезде в Лиссабон отдать мне моего мула обратно с седлом и уздечкой, я готов сопровождать вашу милость на другом мule. Лошадь я отведу сейчас к себе домой, а сам буду вместе с мулами к услугам сеньора во дворе «Трех королей».

— Ваша милость, — прибавил он, — можете быть совершенно спокойны. Эти животные сильны, как слоны, и ловки, как кошки. Они пройдут в горах, где только будет угодно вашей милости.

Дон Алонсо согласился на все условия хитрого парня, думая только о том, как бы поскорее выбраться из города и уехать за пределы Франции.

В харчевне все было уже готово. Стол был накрыт сомнительной чистоты скатертью. Комната была наполнена ароматом жареных каштанов, смешавшимся с запахом жареной птицы. Хозяйка насаживала на вертел перепелок, макала их в жбан с растопленным маслом и крутила над огнем. Хозяин бегал от прилавка к столу, шлепая кожаными туфлями, наливал вино из боченка в бокал, гремел тарелками, покрикивал на жену и шутил на ходу с сидящими за другими столами. Оба кушанья оказались действительно

очень вкусными, а вино вполне приличным, хотя немного кисловатым. Проголодавшись, дон Алонсо ел и пил с большим удовольствием и похвалил хозяев.

— Что я вам и говорил, сеньор, — воскликнул хозяин. — Во всей округе знают харчевню «Трех королей». Спросите у этих господ, сеньор, и они в один голос подтвердят, что лучших кушаний и вина вы не сыщете в округе!

Слова хозяина были покрыты громкими возгласами присутствующих и тостами в честь «Трех королей».

Окончив ужин, дон Алонсо, по обыкновению, закурил свою трубку, что вызвало всеобщее удивление и восторг. Все наперерыв вставали и подходили, чтобы посмотреть диковинную лягушку.

Даже сам хозяин, видавший виды на свое веку, замолк и с любопытством стал расспрашивать о столь удивительной вещи.

Вкусный ужин привел дон Алонсо в благодушное настроение, и он громко рассказывал свою знаменитую историю о походе Кортеца.

В разгар рассказа на улице у двери в харчевню послышался лошадиный топот, и через минуту, звеня шпорами и оружием, вошли трое солдат. Один из них, повидимому начальник, строго окликнул хозяина:

— А ну-ка, дружище, вели отвести наших лошадей во двор и дай-ка нам по пинте¹⁾ вина! Что же ты выпустил глаза, живо поворачивайся!

Испуганный хозяин опрометью выскочил на улицу, а в харчевне мгновенно наступила тишина. Все с испугом смотрели на солдат. Они сели за стол. Их платье, сапоги и лица были покрыты пылью, и можно было догадаться, что они приехали издалека.

Дон Алонсо сидел дальше всех, не освещенный пламенем очага, и за фигурами других солдаты не заметили его сразу. Они принялись пить вино и о чем-то тихо говорили.

1) Пинта — старая французская мера жидкостей, равная 0,9 литра.

Потом один из торговцев, сидевший ближе других к дону Алонсо, обратился к нему:

— Ну что ж, сеньор, мы с нетерпением ждем продолжения вашей интересной истории?

В эту минуту один из солдат увидел дон Алонсо и, наклонившись над столом, шепнул что-то своим товарищам. Те быстро оглянулись и, насторожившись, прислушались.

Дон Алонсо не заметил этого и начал рассказывать. Слушавшие приблизились ближе, окружив его.

Один из солдат подошел тоже и слушал. Затем подошли и два другие. Они многозначительно переглянулись, и старший из них неожиданно перебил рассказчика:

— Простите, сеньор, что перебиваю вас, но у меня есть к вам дело. Я попрошу вас, сеньор, пройти со мной вот туда,—он указывал на дверь во внутрь дома,—там я сообщу вам кое-что важное.

Все с удивлением смотрели на солдата.

Дон Алонсо понял, что тут что-то неладно. Неприятное чувство охватило его. Он нахмурил брови и, пожав плечами, пошел за солдатом. Два другие солдата пошли за ним.

Когда они вышли в темный переход у лестницы, солдат вынул из-за голенища сапога бумагу и обратился к дон Алонсо:

— Именем короля, сеньор, вы арестованы, вот приказ задержать вас. По всем указанным нам приметам вы есть тот самый человек, содержавшийся под стражей и скрывшийся из Парижа две недели тому назад. По этому приказу мы должны вас арестовать и немедленно препроводить обратно в Париж. Будьте добры отдать вашу шпагу и пройти вот сюда наверх. С этими словами солдат поднялся по лестнице и, отворив дверь, прибавил:— Вы будете находиться здесь, пока я не приду за вами, а ты,—обратился он к одному из солдат—самому молодому,—останешься с ним, я пришлю тебе вина. Завтра чуть свет двинемся в обратный путь.— Он повернулся и в сопровождении своего товарища пошел вниз.

Это происшествие ошеломило дон Алонсо. Он покорно отдал оружие и стоял посередине своей комнаты, не зная, что предпринять.

«Вот так история,—думал он.—Стоило скакать как бешеному четырнадцать дней, чтобы быть застигнутому у самой грани спасения. Что же делать теперь? Эти молодцы зорко будут следить за мной и ни на какие уговоры не пойдут. Им их собственные головы пожалуй дороже моей персоны?»

С этими грустными размышлениями дон Алонсо сел на стул и, задумавшись, задымил своей трубкой. В плохо освещенной огарком свечи комнате лягушка ярко вспыхивала своими замысловатыми узорами. Снизу раздавались веселые голоса.

Солдат, стоявший на пороге, вошел в комнату, сел на кровать и молча уставился на странную трубку. Он видел в Париже у одного знакомого испанца трубку, но та была гораздо меньше и не вспыхивала так, да и лягушки на ней никакой не было.

«Что за чортова трубка?»—подумал он.

Дон Алонсо не замечал присутствия солдата. Ему было не до него. Он весь погрузился в мрачные размышления о грозящей ему судьбе. Само собой разумеется, что солдаты, привезя его обратно в Париж, сдадут его снова в тюрьму, из которой ему на этот раз не выбраться так скоро, а может быть и никогда. Никакой Жамэн ничего не в состоянии будет сделать. А, может быть, и сам Жамэн уже поплатился за свой великодушный поступок. От такой женщины, как королева Екатерина, ожидать пощады нечего. А герцог Гиз будет очень рад еще раз насолить Испании. Надо во что бы то ни стало постараться обмануть бдительность солдат. Но как это сделать? Пожалуй, лучше всего сделать это по дороге?

Все эти мысли беспорядочно кружились в голове, и дон Алонсо никак не мог притти к какому-нибудь определенному решению. Так, в молчании, прошло около получаса.

Наконец, солдат не смог побороть одолевшего его любопытства и заговорил:

— Сеньор, позвольте мне ближе рассмотреть вашу трубку, уж больно она замечательная.

Он подошел к дон Алонсо. Тот молча протянул ему трубку. Солдат осторожно взял ее, подошел ближе к свече и стал разглядывать.

Вдруг на лице его выразилось удивление. Он смотрел то на трубку, то на дон Алонсо. Потом быстро подошел к нему и дрожащим от волнения голосом почти шепотом спросил:

— Сеньор, сеньор, откуда это у вас?.. Вот тут,—он указал на колечко на чубуке.

Дон Алонсо не был расположен разговаривать. Он сидел, опустив голову.

— Сеньор,—все так же продолжал солдат,—ответьте мне, откуда это у вас?

— Из Мексики,—неохотно пробурчал дон Алонсо.

— Из Мексики?—удивился солдат и еще внимательней стал разглядывать трубку, подойдя к свече.

— Сеньор,—воскликнул он снова,—это не может быть!.. Заклинаю вас Пресвятой Мадонной, скажите, откуда у вас?!

Дон Алонсо не выдержал:

— Тысяча диаволов! Да оставите ли вы меня в покое!? Если вы тотчас не замолчите, я позову вашего начальника!

В это время раздались шаги по лестнице, и в комнату ввалился другой солдат, неся в руках стакан и бутылку вина. Он пошатывался, и лицо у него было красное. Он, повидимому, сильно подвыпил.

— Дюбуа! Держи!...—крикнул он,—вот начальник прислал тебе... Пей!.. А вам, сеньор, придется подождать до Парижа... Там вас ожидает угощение от его светлости герцога Гиза... почище этого!

Дон Алонсо, оскорбленный, вскочил и хотел броситься на обидчика, но молодой солдат остановил его, шепнув:

— Оставьте, сеньор, вы видите, он совсем пьян... Где начальник?—спросил он товарища.

— Там внизу... заснул... хлебнул лишнего и заснул... ну, я пойду допивать... А ты тут...

Он чуть было не упал, споткнувшись о порог, и, сильно выругавшись, ушел.

Молодой солдат подождал, пока шаги пьяного удалились, и снова подошел к дон Алонсо.

— Сеньор, напрасно сердились на меня. Я хотел спросить вас не о трубке, а об этом колечке, которое надето на чубук. Такое самое колечко я подарил своей невесте Жакелине Рош, которая живет в Париже. Недели две тому назад, вечером, на улице Старых мельниц, неподалеку от винного погреба под вывеской Золотого Льва, на Жакелину набросились какие-то пьяные негодяи...

Дон Алонсо не дал солдату договорить.

— Значит,—радостно воскликнул он,—значит, вы и есть тот самый Дюбуа, тот самый Симон Дюбуа—жених той прелестной девушки?!

— Да, сеньор, я—Симон Дюбуа, жених Жакелины. А вы тот самый иностранец, спасший честь и жизнь моей невесты!—Он прислушался и продолжал шепотом.—Сеньор, я поклялся Жакелине, что если я встречу вас когда-нибудь и вам потребуется моя услуга, я окажу ее вам, чего бы мне это ни стоило. Сеньор, сейчас судьбе было угодно сделать это скорее, чем я думал, и представить мне случай исполнить желание моей невесты, а мне сдержать мое обещание!

Дон Алонсо с удивлением посмотрел на солдата.

— Да, да,—продолжал тот,—сейчас, только сейчас! Вы будете свободны, сеньор, сейчас же, сию минуту! Сама судьба помогает нам!

С этими словами он выбежал из комнаты. Было слышно, как он спустился по лестнице.

Ошеломленный столь необыкновенным поворотом дела, дон Алонсо стоял посреди комнаты, ничего не понимая.

Через минуту солдат вернулся, неся шпагу дон Алонсо.

— Все очень хорошо, сеньор, вот ваше оружие. Начальник и товарищ мой мертвейки пьяны и спят так, что никакой гром небесный не в силах разбудить их. Бегите, сеньор, скорей бегите!

— Но как же вы, Дюбуа, ведь вас оставили сторожить меня, вам грозит за это жестокое наказание?

— А это на что! — и солдат указал на бутылку с вином. — Я скажу им, что они сами виноваты, заставив меня выпить, я, мол, заснул, а вы выскочили в окно, да кроме того, все видели, что начальник сам напился, и он поймет, что если обвинит меня, я тоже расскажу, в каком он был виде. Не беспокойтесь сеньор, я знаю, чем это кончится: «не догнали» — и все тут. Торопитесь, а то еще проснутся наши молодцы, тогда все будет потерянно!

Дон Алонсо протянул руку своему неожиданному спасителю:

— Дюбуа, вы поступили как верный жених и честный человек! Да пошлет вам небо много счастья и успеха в жизни. Вот возьмите свое колечко обратно и передайте его вашей невесте. Пусть оно будет доказательством честного исполнения долга. А Жакелине скажите, что я желаю ей счастья и радуюсь, что она выбрала себе в мужья Симона Дюбуа!

Тут дон Алонсо снял с чубука колечко и передал его солдату. Потом, еще раз крепко пожав ему руку, быстро вышел из комнаты.

Осторожно по темной лестнице он спустился вниз, здесь раздавался сильный храп спящих. Ощупью он направился к двери на улицу. Но явилось неожиданное препятствие: пьяный солдат спал, растянувшись у самого порога. Надо было перешагнуть через него и осторожно открыть дверь. Минута была решительная. Звук отворяемого засова и струя воздуха с улицы могли разбудить спящего.

Но все удалось как нельзя лучше, и дон Алонсо очутился на улице, плотно закрыв за собой дверь. Следующим препятствием явились запертые ворота двора. Тут пришлось положиться на свою ловкость и благосклонность судьбы.

Ограда была невысока, и улица пустынна, а крепкие руки дон Алонсо выручили его. Он мигом очутился по ту сторону стены.

Разыскав сарай, где стояли мулы и спал погонщик, он растолкал его и, приказав молчать, шепнул, что прибавит ему еще десять золотых. Потом, сделав знак следовать за собой, быстро открыл ворота и, вскочив на мула, поехал сперва шагом, чтобы топотом не разбудить кого-нибудь, затем, завернув за угол, пришпорил животное, которое понеслось вскачь, и через три минуты оба всадника скакали по полю, оставив город далеко за собой.

Было еще совсем темно, когда, проскакав добрых полчаса, они стали подниматься довольно круто в гору, и дорога, сузившись, перешла в тропу. Это была граница Франции—отроги Пиренеев.

Пришлось остановить мулов и дать им отдохнуть немного перед трудным переходом.

Дон Алонсо оглянулся и прислушался. Ни один звук не нарушал величественной тишины ночи. Едва заметной полосой бледнел восточный край неба.

А впереди громоздились грозные великаны—горы—гигантский порог между двумя государствами, переступить который так давно мечтал дон Алонсо. Через несколько часов он будет уже на испанской земле, и никакие герцогские солдаты не смогут догнать его. Он с благодарностью вспомнил благородный поступок Симона Дюбуа.

«А ведь оловянное колечко Жакелины Рош действительно принесло счастье!»—подумал дон Алонсо и радостно вдохнул ароматный воздух, доносивший смолистый запах лесов.

Глава X и последняя.

Ко всем удивительным рассказам дон Алонсо о плавании по океану и о завоевании Мексики прибавился новый—об ужасах парижской тюрьмы и бегства из нее.

Рассказывая о своих приключениях, дон Алонсо, конечно, не упоминал имен Нико и Жамэна. О них никому не следовало знать.

Завсегдатаи «Золотой рыбы» скоро наизусть выучили всю историю дон Алонсо, но всегда усиленно просили его показать, какое лицо было у французского короля, когда тот увидел лягушку. И дон Алонсо вынимал трубку изо рта, выставлял ее вперед, а сам открывал рот, отставляя нижнюю губу, и глупыми глазами смотрел на лягушку. Зрители покатывались со смеху и просили повторения.

Что касается Нико, то он не принимал больше у себя дон Алонсо, но на запрос из Парижа ответил так туманно, что можно было подумать, что дон Алонсо в Лиссабон и не возвращался.

О Жамэне дон Алонсо тоже никогда более не слышал.

Донья Беатриса была нескованно рада увидеть своего супруга целым и невредимым и снова стала приготовлять для него прекрасный шоколад.

А дон Родриго с еще большим рвением доказывал неправильность взгляда Петра Помпония.

Одним словом, жизнь сеньора Алонсо Уэльво Романо де-Эскурилья и Алькантара вошла в свою прежнюю колею: утром он шел в порт встречать каравеллы и на гору любоваться чудесным видом, день проводил дома, а вечером уходил от шоколада и философии Аристотеля в кабачок «Золотой рыбы», где просиживал до поздней ночи, пил кислое вино и покуривал свою знаменитую трубку.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
Глава I. О том, как лягушка изменила судьбу одного испанца	3
Глава II. О любви посла к цветам и своей королеве	14
Глава III. О городе, сохранившем до сих пор славу лучшего	21
Глава IV. О том, как король чихнул	26
Глава V. Об оловянном колечке и выкрашенной лошади	32
Глава VI. О французском вине, деревянной ноге и о многом другом .	40
Глава VII. О печальных последствиях веселого вечера	46
Глава VIII. О новом доказательстве испанской доблести	50
Глава IX. О жареных каштанах и прекрасном воздухе Пиренейских гор	57
Глава X и последняя	68

„РАБОТНИК ПРОСВЕЩЕНИЯ“

Москва 19, Воздвиженка, 10.

„ЧИТАЛЬНЯ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ ДЛЯ II СТУПЕНИ“

в 1929 году дает следующие книжки

ДЛЯ МЛАДШИХ ГРУПП:

- Гринберг А. Книжка о Ленине.
- Евгеньев Б. Косой в городе.
- Зилов Л. Как Костя весне помогал.
- Зилов Л. С севера на юг.
- Зилов Л. Людмилино мыло.
- Соловово А. Как Ариша в люди вышла. Ц. 35. к.
- Трушков В. Архипова коммуна.

ДЛЯ СТАРШИХ ГРУПП:

- Амсылский Н. В полосе степей (башкирии).
- Байсугов Н. Страна кочевников.
- Венкстери Н. Бродяга.
- Венкстери Н. Оброк.
- Владимиров В. Мятежники. Ц. 30 к.
- Гарин А. Весна в плодовом саду. Ц. 30 к.
- Гарин А. Как мы разводили плодовый сад. Ц. 22 к.
- Гарин А. Лето в плодовом саду.
- Грекулов К. Ася (цыгане).
- Дмитриев С. В джунглях Индии.
- Евгеньев Б. Катин ликбез. Ц. 30 к.
- Заречная С. На широкий простор.
- Ланская Н. В Афганистане.
- Ланская Н. Черная шаманка (о бурятах).
- Леонов Н. На черноземе.
- Мартовский В. Конец божьей воле.
- Мартовский В. На харчевой по Керженцу. Ц. 30 к.
- Мартовский В. В стране болот и озер.
- Митчель Л. Вороная Лиза.
- Нейман Н. Почтарь Салка.
- Пелка В. На черноземе.
- Серебренникова Л. Хику-хику (о японцах).
- Синицын В. На новой земле.
- Соловово А. Товарищи.
- Степная А. Лесной клуб.
- Степная А. На рыбной ловле Ц. 25 к.
- Тамиров Л. Счастливая облигация.
- Трушков В. Ремесло плеч не давит.
- Фелькенштейн. Жизнь грачиной колонии.
- Чибизянов Д. В полях и джунглях (Индия).
- Чумаченко А. Бапир сын Шушаны (о курдах).
- Шер Н. Школьник Фейруз (о персах).

Каждая книжка в художественной
красочной обложке

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ НА

„ЧИТАЛЬНЮ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ ДЛЯ I СТУПЕНИ“

на год (50 номеров) — 8 руб.